

АСЛАН МАСХАДОВ

Честь дорожке жизни

Составитель: Петр Климов

По заказу штаба поддержки кандидата в Президенты
Ичкерии Аслана Алиевича Масхадова.

АСЛАН МАСХАДОВ

начальник Главного штаба Вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерия, Председатель Кабинета Министров, также, как и первый Президент Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев, принадлежит истории.

Еще долго не улягутся страсти вокруг событий в этой небольшой кавказской республике. Здесь и на самом деле все неоднозначно. Время всем воздаст по заслугам. Но бесспорно одно: у чеченского народа есть лидеры, которые вынуждены были принять эту авантюрную, преступную войну и оказали такое упорное, отчаянное сопротивление, что огромная армия супердержавы вынуждена была отступить. Имена этих лидеров хорошо известны. Вместе с Асланом Масхадовым тяжелейшие испытания прошли его друзья и соратники Шамиль Басаев, Ваха Арсанов, Руслан Гелаев, Руслан Алихаджиев, Апти Баталов, Могомед Хамбиев, Турпал-Али Атгиреев, Вахит Мурдашов, Висхан Эльсанукаев, Хункар-Паша Ибрапилов, Хизир Хачукаев, Ахмед Закаев, Казбек Махашев и многие другие, на ком сегодня лежит особая ответственность за восстановление разрушенного, израненного, испепеленного войной края.

Военная провокация в Чечне в 1994—1996 годах, безусловно, рано или поздно будет осуждена. Виновники будут названы поименно. Тогда нам, разумеется, будет проще. Сегодня возможность возобновления военных действий, к несчастью, еще реальна. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления, угрозы известных политиков, генералов. Поэтому мы торопимся рассказать о Масхадове всему миру, чтобы знали: Аслан и тысячи его сторонников не хотят войны. Они хотят мира, благоденствия, процветания всем народам, включая, безусловно, и русский народ. Чеченцы хотят быть свободными, чтобы быть достойными братьями всем народам, а не чьими-то рабами, кем-то когда-то покоренными и поэтому не имеющими права на самоопределение. Мы знали чеченцев—воинов, потому что всегда с ними воевали. Называли их головорезами, бандитами, террористами, сепаратистами, как кому угодно. Давайте прекратим с ними воевать, может мы тогда узнаем и чеченцев—ученых, композиторов, писателей, художников, лауреатов Нобелевской премии?

Ведь никогда за всю многовековую историю чеченцы сами ни на кого не нападали, хотя по соседству с ними живут десятки других народов, малых и больших. Поиск дружбы со всеми — в их вековой традиции.

Но и себя, по всей видимости, обижать уже никому они не позволят. Кто они, чеченцы, воплощающие реально в жизнь лозунг “Свобода или смерть?”

Узнаем об этом на примере генерала, ставшего живой легендой — Аслана Масхадова.

Биографическая справка

Аслан Алиевич Масхадов родился 21 сентября 1951 года в поселке Шакай Осакаровского района Карагандинской области Казахской ССР в семье депортированной чеченской семьи.

В 1957 году, когда была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, родители привезли его вместе с братьями и сестрами домой, на историческую родину, в село Зебир-Юрт Надтеречного района.

В 1968 году в селе Надтеречное окончил 10 классов и в 1969 году поступил в Тбилисское артиллерийское училище.

В 1972—1978 годах служил в Дальневосточном военном округе под Уссурийском на должностях командира взвода, командира батареи, начальника штаба дивизиона.

В 1978 году поступил в Военно—Артиллерийскую Академию им.Калинина в г. Ленинграде, которую в 1981 году окончил с отличием и был направлен в Южную группу войск в Венгрию, где служил командиром дивизиона, начальником штаба полка и командиром артиллерийского полка.

В 1986—1992 годах служил в Прибалтийском военном округе в г. Вильнюсе командиром полка, начальником ракетных войск и артиллерии дивизии.

В декабре 1992 года, когда после провокационных действий российских военных на границе Чечни и Ингушетии понял, что его Родине нужны будут профессиональные воины, подал в отставку и прибыл в Грозный, где приказом Дудаева был назначен Первым заместителем начальника Главного Штаба Вооруженных Сил Чеченской Республики.

В июле 1994 года был назначен начальником Главного Штаба Вооруженных Сил Чеченской Республики

Ичкерия.

Женат. Имеет двоих детей. Сын Анзор с первых же дней вооруженного вторжения российских войск воюет вместе с народными ополченцами против оккупационной армии. Внуку Аслана, Шамилю — полтора года. Дочери Аслана, Фатиме — 13 лет.

У Аслана трое старших братьев и две сестры. Отец и мать, подорвавшие свое здоровье на карагандинской каторге, рано умерли.

Аслан Масхадов во время службы в Советской Армии награжден орденами “За службу Родине в вооруженных силах СССР” двух степеней. Награжден также орденом Ичкерии “Къоман Сий”. Орден получен Масхадовым за № 1.

Эту книгу можно было бы назвать “интервью с генералом”. Но размышления и откровения Аслана Масхадова оказались столь серьезными, что данную работу можно охарактеризовать, как первую попытку глубокого осмысления всех идейно-политических, нравственных, духовных, процессов, происходящих в Чечне и вокруг нее. Здесь, на Кавказе, на сравнительно небольшом участке суши кипят страсти, характерные для всего современного мира. Интересы общечеловеческие и меркантильные, ценности духовные и денежные; добро и зло, правда и ложь, любовь и ненависть — все раскрутилось, разыгралось здесь с невероятной силой. И у начальника Штаба Чеченских Вооруженных Сил, Премьер-министра Ичкерии, есть что поведать людям, есть с чем поделиться. Уверены, что главная книга Масхадова еще впереди. Генерал пишет ее своей повседневной жизнью. Ну, а пока...

Аслан Алиевич, почему восстали чеченцы?

Социальный взрыв, или чеченское восстание было предопределено всей политикой коммунистического центра по отношению к Чечне и к чеченцам за все годы своего диктата.

Наряду с явными актами геноцида (депортация и уничтожение вайнахов в 1944—1957 гг.) осуществлялись скрытые, более изощренные методы их ассимиляции.

К 1990 году Чечено-Ингушетия стабильно занимала самое последнее 73-е или предпоследнее место среди республик, краев и областей РСФСР по таким показателям как обеспеченность товарами народного потребления, строительство государством жилья, занятости населения. А по детской смертности Чечено-Ингушетия далеко опережала не только регионы России, но и всего Советского Союза.

Руководство коммунистического центра преднамеренно не строило в густонаселенных местах республики заводов и фабрик (такие села, как Шали и Урус-Мартан были самые крупные в СССР), чтобы население стекалось в индустриальные центры и бескрайние степи СССР, где их проще и быстрее можно было ассимилировать.

Чеченцев и ингушей всячески сдерживали от их притока на грозненские нефтяные и перерабатывающие заводы. В этом был свой расчет.

Именно эти заводы позволяли Чечено-Ингушской областной партийной организации держать высоким процент “русскоязычных” среди коммунистов республики.

Превосходство “русскоязычных” коммунистов давало Москве формальное право оставлять все ключевые посты в руководстве республики за теми, кто называл себя

русскими.

Жестокая безработица, искусственно созданная Кремлем в формально восстановленной в 1957 году республике, породила уникальное в мировой практике явление, названное самими партгенералами “шабашничеством”. Чеченцы и ингуши, не желая навсегда покидать вновь обретенную Родину, массами стали выезжать на сезонные заработки, преимущественно в Россию и Казахстан. Из отдельных сел выезжало до 90% трудоспособного населения. Там они выполняли самую тяжелую, малоквалифицированную работу, преимущественно на ремонте и строительстве животноводческих помещений, расчистке их от навоза, производстве саманных кирпичей в самых примитивных условиях. Жили в основном тут же в сараях в условиях дикой антисанитарии.

Подобным образом добывали свой тяжелый хлеб около двух третей населения республики, в основном сельские жители.

Наконец, когда под тяжестью вопиющих фактов центр столкнулся с необходимостью хоть что-то построить в Чечено-Ингушетии для социального развития региона, решили бросить ей в пасть отравленную кость. Было начато строительство крупнейшего в мире Гудермесского биохимического комплекса с производством БВК. Проектировались Шелковская атомная электростанция, Шалинские заводы по производству шин и свинцовых аккумуляторов! Вся эта отравка (если бы не мощный протест населения) была бы размещена в одной точке радиусом меньше 100 км! Если же учесть, что Грозный уже был одним из самых экологически грязных городов страны, где выбросы ядовитых веществ в сотни раз превышали допустимые нормы, то нетрудно убедиться, что Чечено-Ингушетия умышленно превращалась в газовую камеру.

Социальный терроризм сопровождался терроризмом духовным, идеологическим. Стратеги ЦК КПСС и КГБ с помощью продажных ученых придумали и практически внедрили в "науку" концепцию добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав Российской империи 200 лет назад.

Характерный факт. Чечено-Ингушетия, не будучи приграничной республикой, была к тому времени единственной в СССР, где сохранялись районные отделы КГБ. И это несмотря на то, что ни один чеченец или ингуш за все годы мирной жизни не изменил своей Родине, сбежав за границу. Ни один вайнах не попал в плен, не потерял боевого оружия за все годы преступной войны СССР в Афганистане.

Ситуация стала катастрофической в начале 90-х годов, когда Москва перестала финансировать сельское хозяйство с переходом на шоковые рыночные отношения. В совхозах и колхозах России и Казахстана не оказалось денег, чтобы финансировать строительство, и сотни тысяч чеченских семей, традиционно выезжающих на эти стройки, оказались на обочине. Вот поэтому, главным образом, произошел взрыв, а не из-за природной агрессивности и неуживчивости чеченцев, как пытаются объяснить происходящее московские политики и всевозможные аналитики.

То, что делали власти в Чечено-Ингушетии за годы после восстановления республики с 1957 года — уму не постижимо. Не только не строили заводов, фабрик, цехов для трудоустройства населения, но даже в горы на хутора людей не пускали. Горы дичали, превращенные в летние пастбища для скота. Республика, буквально сидящая на нефти и газе, не могла позволить себе потратить лишнюю тонну мазута на асфальтирование дорог. Большинство районов, живя под газовыми факелами, до сих пор так и осталось негазифицированными. Наше главное

национальное богатство — нефть, Кремль превратил в наше национальное несчастье.

Какая-то надежда пришла на землю Чечено-Ингушетии в 1990 году, когда устами только что избранного Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина было сказано, что законодательная инициатива отныне будет исходить снизу, что законы РСФСР будут иметь приоритет над законами союзными, а законы автономных республик будут иметь приоритет над законами РСФСР. Безмерной была наша радость, когда на пост первого заместителя Ельцина был избран Р.И. Хасбулатов, сын многострадального чеченского народа. Мы готовы были поверить в высшую справедливость. Подумалось, что наконец Бог взглянул на нас. Но рано радовались, как оказалось. Последовали заявления от высшего руководства России то о том, что автономные образования не могут быть государствами, то о том, что законы центра подлежат безусловному выполнению в вассальных республиках. Наконец, появился проект новой российской конституции, из которого следовало, что суверенитет России неделим на всей ее территории, что общегосударственным языком объявляется русский, что отныне в паспортах даже не будет значиться национальность, что народы лишаются права на собственное сырье, объявленное "стратегическим". Более того, народы лишаются безраздельного права определять систему народного образования, культуры, науки и еще много-много другого. Спрашивается, какой уважающий себя народ захотел бы положить свою голову на эту имперскую гильотику? И, наконец, ГКЧП, поддержанное коммунистическим руководством ЧИ АССР.

После этого здесь, в Чечне, события развернулись не менее бурно, чем в Москве. Я тогда еще служил в Вильнюсе и хорошо помню призыв Ельцина и его

“демократической” команды: восстаньте, и всеми средствами, включая оружие, защитите “молодую российскую демократию”.

Вот тогда чеченцы и восстали по-настоящему. Сложилась ситуация похлеще той, о которой говорил Ленин, когда низы не хотели жить по-старому, а верхи сами призывали их к восстанию. При этом еще упрашивали: берите суверенитета столько, сколько переварите. Надеялись, наверное, что подавимся.

Но нет. Когда дела у нас пошли нормально, посыпались угрозы. Нас начали стращать ультиматумами, чрезвычайным положением, экономической блокадой, провокациями на границе, заигрываниями с реваншистами, называемыми “оппозиционерами”, и, наконец, войной. Что из этого получилось — это уже другой вопрос.

На что рассчитывали чеченские политики, когда бросали вызов Российской империи?

По большому счету никаких вызовов никому мы не бросали. В результате распада коммунистической империи у народов появилась юридическая и моральная основа для самоопределения. Осенью—зимой 1990 года Общенациональный Конгресс чеченского народа и Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики приняли документы о государственном суверенитете республики. Последовавший через год развал СССР просто вынудил нас предпринять шаги по укреплению своей государственности. Географическое, экономическое положение, а также этнические особенности населения Чеченской республики, представленной более 70% чеченцами, позволяло нам не

быть пасынками и попрошайками России. Тем более России непредсказуемой, постоянно пребывающей в состоянии перманентных революций и потрясений. Мы уже целый век кровью разгадываем вечную загадку загадочной русской души. Более того, Чечня никогда не входила добровольно в состав России и не объединялась с ней. Добровольно объединявшиеся Украина, Грузия, другие республики и те давно уже стали самостоятельными государствами. Поэтому мы никому никаких вызовов не бросали и ни на чьи интересы не посягаем.

Но раз уж война случилась, мы не могли отступить назад и поднять руки вверх. Это уже были бы другие чеченцы.

Поэтому я бы попросил российских политиков и генералов успокоиться: мы их чести не задевали. Не мы первыми приняли декларацию о суверенитете, а Россия, хотя прекрасно они тогда понимали, что это ведет к развалу СССР. Не мы, наконец, разваливали СССР. Развалили вопреки нашей воле. Ведь народ Чечено-Ингушетии за год до беловежской авантюры однозначно высказался за сохранение СССР! Нашей волей пренебрегли. А мы не подопытные кролики, чтобы сидеть в тех клетках, куда нас поместят. Мы народ, который всегда заставлял и будет заставлять себя уважать!

Другое дело — как мы планируем строить свои отношения со своим могучим северным соседом.

Да, нынешнее поколение чеченцев воспиталось, приобщилось к мировой цивилизации не только посредством исламских традиций и философии, но и советской, русской культуры. С Россией у нас и сегодня самые тесные экономические, культурные и политические связи. Мы кровно заинтересованы в России экономически сильной, стабильной и демократической. Более того, мы хорошо понимаем, что у

России есть враги, есть проблемы. Мы хотим быть самыми надежными партнерами и союзниками России во всех вопросах, в том числе и военных. Но мы не хотим и не позволим, чтобы пьяные орды российской военщины по каждой прихоти уничтожали наши города и села, устраивали варварский геноцид над древнейшим народом планеты. Мы никому больше не позволим безнаказанно убивать себя. Сегодня мы в сто раз сильнее, чем были осенью 1994 года. С нами лучше дружить, чем воевать. Для чеченцев честь дороже жизни. Пора бы это понять.

Кто и почему помешал встрече Дудаева с Ельциным?

Это очень интересный и судьбоносный вопрос. Весной 1994 года мы жили ожиданием такой встречи. Если бы она состоялась, были бы живы сто тысяч человек. Не были бы разрушены города и села. Не было бы всей этой страшной трагедии.

Мне думается, интуиция государственного человека, реформатора подсказывала тогда Ельцину о необходимости такой встречи. Позже об этом рассказывали Президент Татарстана Ментемир Шаймиев, Президент Ингушетии Руслан Аушев.

Сильно навредили тогда наши чеченские реваншисты из бывшей обоймы обкомовской партноменклатуры. Они бегали по московским кабинетам и главным их покровителем был Шахрай. У Шахрая они выпросили много денег на покупку оружия, на подкуп оппозиции. Уверяли, что таким образом они в два счета свергнут Дудаева. Имена этих людей хорошо известны. Почти все они позже стали вице-премьерами, большими начальниками у Завгаева, за исключением Автурханова, которого еще раньше забрали в Москву и пригнали на доходном и теплом месте. Если бы тогда, весной 1994

года, у опасной черты у чеченцев хватило ума не дать расколоть себя, найти хоть трудное, но согласие — не случилось бы этой беды.

Все наши несчастья оттого, что не умеем договариваться между собой. Мы слишком высокомерны друг с другом, забывая о том, что от этого страдает народ, причем самая уязвимая, самая обездоленная ее часть.

Дай нам Аллах, чтобы хоть сейчас мы делали какие-то шаги навстречу друг другу.

Что за война это была?

Это была нелепая, безобразная война во всех отношениях. Российские генералы во многих случаях вели себя просто мерзко. Их поведение не делало чести русскому офицерству. Первое мое разочарование появилось в январе 1995 года во время боев вокруг Президентского дворца в Грозном. Тогда все дороги, все подступы ко дворцу со стороны железнодорожного вокзала, со стороны нефтяного института, со стороны Сунжи, были завалены трупами российских солдат. Мы своих раненых и убитых не оставляли.

Трупы уже лежали две-три недели. Они разлагались, их поедали собаки и кошки. Я лично три раза выходил на связь с Бабичевым и Рохлиным, просил их остановить боевые действия, хотя бы на один день, чтобы забрать трупы. Но они с этим не соглашались, думая, что это нашей стороне как-то выгодно. Им любой ценой нужно было захватить Президентский дворец, будто шло какое-то спортивное состязание. Ну, захватили они этот дворец через два дня после того, как мы все ушли оттуда. И что дальше? Чего они добились? Они добились проклятия солдатских матерей, которые слышали как я их просил

остановить бой и спасти хотя бы трупы мальчишек в узнаваемом состоянии.

Что я мог сказать матерям российских солдат? Я им пояснял: я же ваш противник, чего вы толкаетесь вокруг меня? Не я напал, а на нас напали! Идите к своим российским генералам и спрашивайте у них о судьбе своих детей! На это солдатские матери отвечали, что ни Рохлин, ни Бабичев с ними даже ни разу не заговорили. У офицеров пониже они вызывают раздражение, их ругают нецензурной бранью.

Однажды, тогда же, в январе 1995 года, мне говорит Джохар Дудаев, что он договорился с Черномырдиным о прекращении боевых действий на 48 часов. Свяжись, говорит, с Бабичевым и договорись о том, как бы убрать трупы, спасти тяжело раненых. Меня соединили с Бабичевым и я об этом ему в очередной раз сказал, уже от имени Дудаева и Черномырдина. Бабичев сказал, что позвонит мне через 30 минут.

Потом он мне аккуратно позвонил и вполне серьезно, голосом телевизионного диктора говорит: “Условия такие. Над Президентским дворцом вывешивается белый флаг, верхняя одежда снимается, оружие с собой не берется, выходите по 10 человек с поднятыми руками и направляетесь в сторону улицы Розы Люксембург...”

Я с трудом выслушал эту болтовню, как бред сумасшедшего и очень вежливо послал его туда, куда обычно посылают русские мужики.

Бабичеву мой ответ тоже, видимо, не понравился и по Президентскому дворцу был открыт интенсивнейший огонь из всех орудий.

По интенсивности открытого огня и по продолжительности обстрела, длившегося целыми сутками, не прекращаясь, можно было подумать, что против российской армии воюют тысячи людей. На самом деле в Президентском дворце было не более 30—40

человек. В здании Совмина — 30, в гостинице “Кавказ” — 20, в здании архива — 30 человек. Это правда. Я не буду лгать перед лицом своих товарищей. А сколько шума, сколько пафоса, сколько бомб, снарядов, мин и ракет было пущено — уму не постижимо. Наверное, это был самый плотный обстрел на квадратный метр во всю историю человечества.

Расскажу еще об одном эпизоде драматических январских дней 1995 года.

Событие происходило в 12-этажном здании около республиканского ДГБ. Наши ребята загнали российских десантников на 12-й этаж и предлагали им сдаться. Операцию проводил подполковник Аюбов Иса. Сверху кричит капитан десантников и предлагает сдаться чеченцам, так-как все близлежащие здания находятся под контролем российских. Иса говорит капитану, что его обманывают, что все российские давно выбиты и что не чеченцы, а они находятся в плотном окружении. Капитан не верил. Он по радиации получал информацию другого характера. Тогда Иса ему говорит: “Ладно, послушай, сейчас получишь более свежую информацию из первых рук”. Подошел к окну, повернулся на север и крикнул:

— Аллах акбар!

Из здания напротив ответили.

— Аллах акбар!

Затем по очереди поворачивался на запад, на восток, и отовсюду отвечали: “Аллах акбар!”

Только тогда капитан понял, что его нагло обманывают и он решил сдаться, чтобы спасти сотни жизней молодых ребят.

Иса привел того капитана ко мне на переговоры. Мы договорились, что десантники сдают оружие и мы их отпускаем. Но это должно было произойти в полдень следующего дня, так-как мы должны были обеспечить им безопасный уход.

Но так получилось после той встречи, что утром следующего дня в том же здании, где на 12-м этаже были заблокированные десантники, проходила моя встреча с Бабичевым. Было это на 3-м этаже. Мы на 3-м, наши бойцы на 11-м, а российские — на 12-м.

В тот день мы ни о чем не смогли договориться, встреча прошла безрезультатно, и мы холодно расставались. Я поднял палец вверх и спросил:

— А что с этими делать? Они разве не ваши? Вам безразлична их жизнь?

Бабичев только рукой махнул, делайте, мол, что хотите.

Мы этих десантников и их командира—капитана вывели из здания и отпустили после сдачи оружия, как и обещали, хотя Бабичеву их судьба была совсем не интересна.

Поведение Бабичева меня удивляло еще и потому, что он входил в Чечню чуть ли не как миротворец. Возле Серноводска мирные люди ему сделали живой заслон. Его обнимали женщины, дети, старики, просили не убивать и он там всем давал обещания. Нам вначале показалось, что он честный офицер, который не пойдет на народоубийство, последует примеру, скажем, Эдуарда Воробьева. Но мы обманулись в нем. Они с Рохлиным захотели повоевать и нам пришлось принять их вызов. Чести и славы им это убийство 100 тысяч мирных грозненцев не прибавило. Рано или поздно их будут проклинять сами русские, потому что русский народ по своей природе добродушен и благороден.

Меня еще удивило поведение осетинского генерала Кима Цаголова, он же заместитель Министра по делам национальностей России. И вообще, все министерство, весь миннац как бы превратился в миннап (министерство нападения). Все эти главари вместе со своим вожаком Егоровым вырядились в камуфляж и убивали народ словно вышли на охоту на дичь. Уж кто-кто, а осетинский

генерал и осетинские омовцы должны были понимать, что народы оружием не покоряют. Прошли те времена. Это в средневековые, во времена половецких, хазарских, татаро-монгольских набегов или в пору дикого феодализма можно было таким путем расширять империи, которые затем все равно разваливались. А тут — на виду у всей человеческой цивилизации затеять такую авантюру мог либо сумасшедший, либо спятивший от ожидания своей доли с награбленного. Сотни, тысячи груженных машин вывозили из Чечни награбленное добро: ковры, бытовую технику, посуду, мебель, все, вплоть до стройматериалов! Вывозилось все в основном в Моздок и через Моздок. Но ни один высокий чин не воспротивился этому. Видимо, каждый получил свою долю. Они теперь могут быть спокойными: достаточно озолотили себя и свои семьи. Но много ли счастья они испытают от награбленного? Уж кто-кто, а осетины должны были понимать, что на Кавказе ничего не проходит бесследно.

Более того, наемники из Осетии и Южной Осетии дошли до ущелий Ведено, чтобы уничтожить нас, пресмыкаясь перед Россией. Но тут их номер не прошел. Вся эта колонна вместе с людьми и техникой была полностью уничтожена отрядом Шамиля Басаева. Это была для противника катастрофа страшней, чем расстрел колонны у села Зоны. Одной бронетехники у Ца—Ведено было уничтожено 63 единицы. Это было весной 1996 года. Российские военные тогда не подняли шума из-за наемников. Наемников, или контрактников, как их называют, никому не жалко. Они приходят убивать за деньги.

Есть силы, которые хотели бы рассорить нас с боевыми товарищами. Но по моей вине этого никогда не произойдет. Моя роль в войне зависела от

исполнительности, личного мужества и благородства моих товарищей. Я всегда был спокоен там, где воевали Шамиль Басаев, Руслан Гелаев, Апти Баталов, Руслан Алихаджиев, Турпал-Али Атгиреев, Магомед Ханбиев, многие другие командиры. А кто из нас не восхищался невиданным мужеством и стойкостью защитников крепостей Бамут, Орехово, Старый Ачхой, Аллерой. Вспомним, что только не писали о Бамуте, что тут тысячи боевиков, что прячутся они в каких-то бетонных шахтах. Это такие же легенды, которые рассказывали барсуковы Ельцину о том, что в Первомайской оказались подземные ДОТы, ДЗОТы и т.д. Бамут удерживало до сотни смельчаков под руководством сельского парня Руслана Хайхароева. Все они были ополченцами — кто колхозный тракторист, кто учитель, кто ветеринар, кто студент, а кто еще учащийся школы. Они защищали свою Родину, и так поступали неоднократно и русские, когда враг приходил уничтожать их дома, семьи, обычаи, растаптывать могилы их предков.

К счастью, эта война не стала войной между чеченцами и русскими, между религиями, хотя такая вероятность была очень большой и российские политики просто преступным образом пренебрегли этой вероятностью. Чеченский след упорно искали в других городах России, в Москве, Волгограде. Мы всячески сдерживали своих людей от таких шагов, потому что резервы сопротивления у нас были большие. Даже после взятия Грозного в августе 1996 года у нас оставались большие незадействованные резервы.

Больше всего я боялся военной победы России, потому что после этого не было бы никакой возможности остановить мстителей, которые разъехались бы по всей России и начали бы наносить удары по ее самым больным

местам. Ситуация просто вышла бы из-под контроля. Я удивлялся тому, что российские политики никак не хотят этого понимать! Иногда казалось, что они специально идут на дестабилизацию ситуации по всей России, чтобы раскатать ее до такой степени, когда все бы опрокинулось к чертовой матери! Я считаю, что чеченская авантюра — это прежде всего удар, направленный против самой России и русского народа, чтобы дискредитировать их как варваров, как народоубийц, недостойных быть принятыми в цивилизованное сообщество. Я часто мучился вопросом: неужели сами русские этого не понимают? Почему они не восстают, не выходят на улицы, не протестуют? Неужели думают, что то, что тут творится, делается в интересах России и ее народа?

В конце концов, я пришел к заключению, что русский народ очень доверчив. Он поверил грачевым, шахраям, невзоровым, говорухиным, кургинянам, мигронянам, что их властями в Чечне делается доброе, нужное дело. Поверил барсуковым, куликовым, что война ведется успешно, что вот-вот “бандформирования” будут уничтожены, а кто останется в живых — ручки кверху и пойдут к Завгаеву просить у него пощады.

Русский народ не видел коммерческую, финансовую подоплеку этой войны. Конечно, нефтяная труба — это веский аргумент. Но Завгаева, его команду и их московских покровителей в лице Лобова, Куликова, “депутата Чечни” Зорина и других больше всего волновали те триллионы, которые потекут якобы на восстановление экономики и социальной сферы Чечни. Вот почему они обманывали российскую общественность, что Завгаев контролирует практически все города и села Чечни. По большому счету, он не контролировал даже свой кабинет в аэропорту. Боялся принимать там посетителей. А обманывали только до той даты, когда потекут триллионы. А там — хоть трава не

расти. Ведь эта номенклатура больше ничего не умела и не умеет кроме того, чтобы выбивать фонды, а потом греть руки на его перераспределении. Львиная доля, как понимаете, текла обратно в Москву. Как мы могли с этим смириться? Ведь в качестве таких вечных иждивенцев, вечных нахлебников на шее Москвы наш народ никогда не научится самостоятельности, никогда не станет уважающей себя нацией. Россия нас научила и учит воровству, взяточничеству, лицемерию, лживости, мошенничеству. В России все это не осуждается, здесь это в порядке вещей. Но мы не хотим больше так жить. Мы хотим жить честно, как учит нас Коран, и хотим быть добрыми соседями и братьями всем народам, в их числе и русскому. Разве мы слишком многого хотим? Как мы объясним своим потомкам такой казус: русские имеют право создавать государство на территории другого народа, а чеченцы не имеют права создания государства на своей собственной, Богом данной и исторически обжитой территории?! Наши дети нас обвинят в трусости и непоследовательности, если мы не доведем начатое дело до конца. Русские должны поставить себя на наше место и спросить себя: а как бы мы поступили? Вот они тогда им станет все ясно, а не тогда, когда они слушают невзоровых или жириновских.

Мы с детства, со школьной парты привыкли к таким лексическим штампам, как “массовый героизм”, “народная война”, “чудеса храбрости” и так далее. Порою все это как-то банально звучит от частого повторения. Но то, что происходило на этой войне, те чудеса, которые вытворяли наши дети, наши братья и сестры, наши отцы и матери — невозможно передать словами. Здесь недостаточно говорить просто о мужестве, просто об отваге или героизме. Это был сверхгероизм, который может по-настоящему оценить только тот, кто видел все это своими глазами.

Представьте себе двенадцати—тринадцатилетних пацанов, которые прыгали в подбитые ими же горящие танки и вытаскивали оттуда пулеметы. Я не мог остановить пацанов, которые под интенсивнейшим минометным обстрелом подносили боеприпасы, продукты питания, лекарства. И это было с первых же дней войны, еще когда мы находились в Президентском дворце. У этих мальчишек вообще отсутствовало чувство страха. Лишь самые осторожные могли спросить у старших: “Ваша (*Ваша (чеч) — брат. Вежливое обращение детей к старшим*), сколько еще секунд не взорвется этот горящий танк? Я успею вытащить оттуда пулемет, боекомплект?”

Села соревновались, кто быстрее и больше доставит нам продуктов. Ведь никто из нас не верил, что Россия все-таки пойдет на нас войной и поэтому не была создана настоящая армия, хотя российская пропаганда говорит об обратном. Не было ни оружия, ни запасов продовольствия. Ополченцы сами на свои деньги покупали оружие. А продовольствием полностью обеспечивало население.

Рядом с нами всю войну, всю дорогу находились женщины. Они, многие, не воевали, просто сидели в окопах и молились за нас. Просить у них уйти было бесполезно. Мы были рады хотя бы тем, что они не ходили с нами в атаку. Это действительно от начала до конца была народная война. Российские военные и политики это прекрасно знали и видели, но нагло продолжали врать о каких-то тысячах наемниках, которым мы платим астрономические суммы долларов, о каких-то белых колготках с Прибалтики. О каких-то зверствах со стороны чеченцев. Теперь, наверное, весь мир знает, что это было дешевое вранье спецслужб наших противников. Воевал народ, потому что он же, народ, и уничтожался. Уничтожался сознательно, подло, по-варварски, по-звериному, сбрасывая на их

головы все виды оружия, которые были в их арсенале, за исключением атомных бомб. Мы не были уверены, что в конце концов на нас не сбросят и эти бомбы.

Народный характер войны может подчеркнуть и пример с селом Курчалой. Сколько раз российские военные хотели поставить у этого села свой блокпост! Но население оказывало такое сильное сопротивление, что военные вынуждены были отступать каждый раз. Курчалойцы бросались на танки безоружные. Они залезали на броню, окружали их со всех сторон. Все эти два года днями и ночами они охраняли въезд в свое село с тем, чтобы не допустить сюда оккупантов. Я не перестаю удивляться мужеству, воле, стойкости этих людей.

А что вытворяло население, когда дело доходило до рукопашной схватки! В селе Алерой Шалинского района на хребте однажды произошло такое столкновение ополченцев с российскими наемниками. Это было жуткое зрелище. Разъяренные чеченцы в рукопашном бою убили тогда до 500 человек, практически весь отряд наемников. В этой схватке приняло участие много чеченских женщин и девушек. Я был свидетелем как хрупкая молоденькая медсестра зарезала своим ножом российского офицера, застрелившего мальчишку. Не хочу пока называть ее имени. Но в свое время все герои до одного будут названы и память о них будет увековечена.

Летом 1995 года мы заключили с российской стороной нормальное соглашение. Была достигнута договоренность, что мы все прекращаем боевые действия, расформировываем свои боевые подразделения, приступаем к строительству нормального мира и переходим к политическому, дипломатическому решению всех острых проблем.

В соглашении при этом было оговорено, что до создания должной правоохранительной системы каждое

село или станица имеет право на создание собственных отрядов самообороны по 20—25 человек с достаточным количеством оружия. Излишки оружия должны были быть сданы и уничтожены.

Однако это соглашение вскоре было сорвано российской стороной. Сыграло роль природное, генетическое недоверие метрополии к чеченцам. Генерал Куликов мне тогда заявил: Аслан, мы вас не разоружаем, а довооружаем. Простой подсчет ему подсказал, что умножив 420 населенных пунктов на 25 человек получается цифра в несколько раз превышающая наши отряды сопротивления. Этим самым он подтвердил, что Россия боится всех чеченцев, независимо от того, каких политических взглядов они придерживаются. Куликов открыто и косвенно показал, что воюет не с “вооруженными бандформированиями”, а со всем чеченским народом. Любой вооруженный чеченец им был опасен после того, что они тут натворили. К слову сказать, они позже боялись даже созданной самими же чеченцами милиции, потому что эти чеченские парни не позволяли военным чинить беспредел над беззащитным чеченцамским населением.

Что самое тяжелое на этой войне?

Самое тяжелое и обидное — это когда нагло, цинично, подло уничтожается целый народ; стирают с лица земли города, села; уничтожаются заводы, фабрики, больницы, школы, мосты, памятники архитектуры и культуры древнего народа и при этом говорят: это наше внутреннее дело! А если бы взбесившаяся мать душила, резала, сжигала своих детей, то это ей тоже пришлось бы, так как это “внутреннее дело ее семьи?” Разве мы люди после этого? Разве мы не звери?

Просто кому-то нужно было дестабилизировать

ситуацию в Чечне, начать войну и на этом погреть себе руки. Я подозреваю, что есть на этот счет долговременный расчет.

Слишком многих людей — сильных мира сего — устраивала и устраивает эта война.

Самое тяжелое — видеть смерть ни в чем не повинных женщин, детей, стариков; видеть глаза убитых горем людей, видеть глаза сирот и вдов; видеть могильные холмы товарищей по борьбе, видеть недоуменные взгляды родственников, чьи дети, братья, сестры пропали безвести. Ведь война — это не только разрушения, пожары, пепел. Война — это искалеченные души людей. Это исковерканные судьбы на долгие-долгие годы. Войны всегда легко начинаются, иногда для этого может быть использован самый пустячный предлог. Но войны трудно заканчиваются, пока жив хоть один пострадавший, пока есть вопросы хоть у одной раненой души. Поэтому войны — это самое тяжкое преступление со стороны тех, кто их начинает, и самое тяжкое испытание для тех, кто невольно оказался в них втянутыми. У нашего поколения незавидная доля. Нас, воевавших, всегда кто-то будет благодарить, а кто-то проклинать. Мира и спокойствия нашим душам уже не будет, наверное, никогда до самой смерти. Видимо, такая судьба нашего народа — жить на этой земле в вечной борьбе, в вечных испытаниях на прочность.

Самое тяжелое — это и налаживание мира в Чечне, переход к созиданию. Здесь главная трудность в том, чтобы наши внутренние споры не перерастали в неприязнь, во вражду, а границы конфликта не переходили порогов наших служебных кабинетов. Иначе мы дискредитируем себя в борьбе за кресла, обманем надежды людей. Мы ни в коем случае не должны по пустякам растерять накопленный в войне с оккупантами моральный капитал. Этот капитал должен стать

отправной точкой нашего независимого национального возрождения.

После окончания войны вопросы прочного внутреннего взаимопонимания и спокойствия для меня лично будут самыми основными. Все, кто ищет подлинного мира и спокойствия будут моими единомышленниками.

Что для Вас означает слово “Родина?”

Родился я в Казахстане, в ссылке, и с раннего детства воспитался на чувствах тоски родителей по Родине. И в самом деле, Чечня — сказочная страна. Наверное, потому сатана нам мстит веками, что оказались у Аллаха любимцами, получив такую землю. Никто не определял индикатор или градус, какой народ насколько крепко привязан к своей Родине, но вот примеры из жизни чеченцев. Чеченцы никогда не оставляют труп сородича на чужбине, где нет могил мусульман. Чеченец никогда не остается жить навечно на чужбине. В годы войны в Афганистане ни один чеченец или ингуш не сдался в плен единоверному Афганистану. У народа существует кодекс чести, равноценный разве, что Корану. Этот кодекс называется Нохчалла.

Что происходит с этим народом за последние годы и десятилетия? Почему столь тенденциозно пишут о какой-то мифической “чеченской мафии”? Я думаю, что кто-то сильно заинтересован в дескредитации чеченцев, в создании образа врага из “лиц кавказской национальности”.

На самом деле никакой угрозы для России и россиян Чечня и чеченцы не создают, лишь бы нас оставили хотя бы теперь в покое.

Лучшая часть моей жизни отдана служению нашей

большой Родине — СССР.

У меня осталось много друзей везде, где я служил раньше. И вообще, мне всегда везло на надежных, преданных друзей. Таких сослуживцев и друзей, как Василий Иванович Завадский, Иван Николаевич Епифанцев, Николай Иванович Лобанов буду вспоминать всегда и продолжать с ними дружбу.

Интересный случай свел нас в прошлом году с генералом Владимиром Николаевичем Боковиковым. Он служил в Венгрии командиром полка, командиром дивизиона.

Во время переговоров с российской стороной я ехал из Назрани в сторону Самашек. Вдруг смотрю — среди толпы чеченцев, ожидающих нашего подъезда, стоит совершенно без охраны генерал в лампасах. Я глазам своим не поверил. Ведь это был мой бывший командир Боковиков! Я тут же выскочил из машины, подбежал к нему и спрашиваю: “Что ты тут делаешь один, без охраны? Не боишься, — спрашиваю, — ведь ты стоишь среди тех, с кем воюет российская армия!” “Нет, — отвечает Владимир Николаевич, — я им сказал, что Аслан — мой друг, и они мне поверили. А потом говорит мне, что жена Люба приказала ему полететь в Чечню, встретиться с Асланом и без мира обратно не возвращаться.

А что касается войны и моего участия в ней... мои бывшие сослуживцы говорят так: раз Аслан так поступает, значит так и надо.

По поводу чувства Родины я скажу еще так. Когда твоей Родине, твоему народу трудно, ты не имеешь права оставаться в стороне безучастным. Особенно, если идет война, а ты по профессии военный. Военный в мирное время кушает дармовой хлеб, и если во время войны он уходит в кусты — так ему вообще нет прощения.

Мы все должны стоять на страже чести и достоинства нашей Родины, потому что честь Родины — это как честь матери, сестры, жены. Когда теряет честь Родина, честь теряют все мужчины, весь народ. Я не представляю себе своей жизни, жизни своих братьев, сестер, если бы все мы разбежались как только вошли российские танки. Над нами бы просто измывались те, кто пришел нас покорить. Вспомните слова российских политиков зимы 1995 года. Они говорили: так будет со всеми, кто вздумает не покориться Москве. Нам хотели организовать публичную, показательную порку. Мы в этой войне защитили честь не только чеченцев, но и всех других народов Кавказа.

Я не исключаю, что кое-кто будет стараться испортить наши отношения с дагестанцами, с нашими братьями по крови ингушами. Но мы ни в коем случае не должны этого допустить. Подобный прецедент смерти подобен. Это было бы историческим преступлением.

Вообще, политика — не дело слабонервных, как я понимаю. Только бесконечным терпением и волей мы можем выйти из этой трясины, куда нас засосало.

Сегодня наша родина в крови. Но чеченский народ не отчаивается. Мы абсолютно уверены в том, что превратим свой край в цветущий сад. Для этого нам надо только одно: чтобы нас оставили в покое. Не лезьте к нам, и мы никого не тронем. А если полезут — пожалеют. Нам уже терять нечего.

Возобновит ли Россия войну?

Я не думаю, что Россия опять пойдет на нас войной. Если даже политикам опять придет в голову повторение авантюры, то вряд ли военные пойдут на это. Офицеры имеют право не выполнять преступные приказы. Я

хорошо понимал, к примеру, настроение генерала Романова, который позже ужаснулся над содеянным и искренне хотел спасти свою душу в поисках мира. Он однажды в ходе переговоров летом 1995 года мне откровенно признался, что больше стрелять в чеченцев не будет. Уйду, говорит, из армии, но не буду больше убивать чеченцев. Такое же настроение было и у многих других российских офицеров. Исключение составляли Тихомиров, Шаманов, Пуликовский. У них в войне был свой коммерческий интерес. А что при этом уничтожается мирное, незащищенное население — им было наплевать. Сколько раз они окружали Шали, Герменчук, Урус-Мартан, другие села. Бедное население сбрасывалось последними рублями, чтобы откупиться у этих варваров. За деньги на этой войне можно было купить, достать, сделать все, что угодно. Правильно пишут журналисты, что такой коррупции, как в российской армии, нет нигде.

С другой стороны, я думаю, что не будет нового вторжения и по той причине, что нами накоплен достаточный опыт ведения войны. У нас достаточно сил и средств, чтобы никто больше не смог нас безнаказанно убивать. Но мы имеем право застраховать себя от перманентных российских экспериментов. Сколько это может продолжаться: Россия белая — мы белые, Россия красная — мы красные. А если придет какой-то Жириновский и позовет нас в поход на Индию, или начнет переселять в Закавказье? Он же сам говорит об этом, и десятки миллионов россиян отдадут ему за это свои голоса! В лучшем случае он собирается превратить нашу республику в губернию. А если Зюганов победит, то как, обратно “Слава КПСС”? Обратно мечети закрывать? Нет, мы больше не желаем быть подопытными кроликами. Хватит экспериментов. Мы от этих экспериментов всю Сибирь, Казахстан, Киргизию костью засеяли. Мы имеем право получить

международные гарантии, предохраняющие нас от нового массового народовубийства. А такие права мы можем получить только став субъектом международного права. Мы не с жиру бесимся и не хотим ничего лишнего, кроме того, что нам дано Всевышним. С жиру бесятся российские политики, которые, играя со своим народом в державность, пытаются удерживаться у власти, чтобы грабить тот же народ. Посмотрите на депутата Говорухина. Сколько он кричал о криминальной революции! Он уже четыре года член Комитета Государственной Думы по безопасности. Поймал хоть одного жулика? Предотвратил, или помог раскрыть хоть одну экономическую авантюру? Он проявил себя только как шовинист, скрыв преступления федералов в Самашках.

Каким видится будущее Чечни?

Вопрос и простой и невероятно сложный. Проще всего сказать словесным штампом: видим свободной, процветающей. А вот как добиться всего этого, помня о том, что мы живем в мире множества народов и государств, в большей части не похожих на нас. Эти народы и государства, включая наших непосредственных соседей, имеют различный уровень экономического и культурного развития, различные представления о духовных ценностях, разные исторические традиции, разные законы и обычаи, на которых держится вся философия их повседневной жизни.

Вся предшествовавшая имперская политика со стороны России вселила в души многих наших людей чувства озлобленности, затравленности. Наши люди десятилетиями воспитаны на лжи, насилии, дискриминации, неустроенности. Поэтому самое главное,

прежде чем приступить к строительству будущего свободной Чечни — это прежде всего разобраться, что же на самом деле происходило и происходит с нашим народом, с нашей республикой все эти годы. Чтобы объективно, непредвзято найти ответы на эти непростые вопросы, нам надо привлечь к работе наших ученых, писателей, независимых политиков. Во время войны нам, разумеется, больше нужны были воины. И эти воины с помощью Аллаха честно сделали свою работу. Это костяк нашей нации. Но приступая к мирному, созидательному труду по строительству свободного, независимого государства, нам не обойтись без консолидации всего общества, без максимального использования всего имеющегося интеллектуального потенциала нации. Времена, когда правым оказывается тот, кто громче всех кричит, должны остаться в прошлом. Нельзя ставить в один ряд с реваншистами, рвущимися к власти с помощью России, добросовестную чеченскую интеллигенцию. Новая Чечня должна быть государством всех чеченцев и людей других национальностей, проживающих в республике. Только так мы избежим новых потрясений. Ни один отдельно взятый политик, не имеет права диктовать свою волю народу. Наше чеченское общество из глубин веков ведет традиции демократии. Мы никогда не терпели над собой диктат и у нас всегда были демократические структуры управления и суда: Юрта кхел, Мехкан кхел, Дайн кхел. И даже военный предводитель бячча избирался демократическим путем. В этом наша национальная особенность.

Достигнув согласия, мы уже можем говорить о политической структуре власти и об основных приоритетах в сферах экономики, культуры, социальной поддержки, борьбы с преступностью, обороны и так далее.

Большая часть вопроса — взаимоотношения с Россией. Там, конечно, все сделают для того, чтобы покорить нас

экономическими методами, после того как с силовыми методами они потерпели фиаско. Не надо себя обманывать: здесь предстоит жесткое, я бы сказал, жестокое противостояние. Но от принципиальных вопросов отступать мы никак не можем. Российские руководители заявляют, что территориальная целостность России — не является предметом торга. Мы с этим полностью согласны. Нам ни пяди земли Российской не нужно. Но и целостностью Чеченского государства мы тоже не собираемся торговаться. Цена уже заплачена несоизмеримая. Не только сейчас, а в течение двухсот лет. Но теперь уже сами российские политики разбомбили и вытолкнули нас из России, если даже формально в нее когда-то входили. Кто с этим будет спорить? Разве с собственной землей, с собственным народом так поступают, как поступили с нами? Разве вся эта война не показала, что мы Кремлю были и остаемся чужими? Разве русские вот таким путем наводили бы “конституционный порядок” где-нибудь в Тульской или Вологодской области? Разве в Москве мало вооруженных незаконным путем настоящих бандформирований? Но ведь никому не приходит в голову бомбить всю Москву?! Смешно даже думать об этом. Поэтому дружба—дружбой, а табачок — врозь, как говорят русские.

Наивно размышлять о политической судьбе Чечни, не пытаясь разобраться в вопросе о том, какие силы реально правят миром, какая роль этими силами отводится России, странам СНГ. Наивно размышлять, не понимая проблемы всего исламского мира и взаимоотношения этого мира с американо-израильским тандемом. Мир состоит из невероятной гаммы красок и оттенков. Маленьким народам и государствам лучше лишний раз не выпячиваться там, где их особенно не просят. К сожалению, мы пока мало что определяем в этом мире. Так угодно Всевышнему и поэтому нашей главной

задачей должна быть не попытка изменить этот мир, а выжить в тех экстремальных условиях, в которых мы оказались. Выжить и размножиться, укреплять свои достоинства и избавляться от пороков. Это, конечно, задача не одного дня и не одного поколения. С этим надо смириться, оставив некоторые амбиции, от которых гибнет самая незащищенная, самая достойная часть нашего народа. Мы показали всему миру свое мужество и героизм. Весь мир восхищен упорством сопротивления нашего народа. Теперь мы должны всем показать, что у нас есть воля, выдержка, ум и уважение друг к другу. Всему есть свое время. Время воевать и время мириться. Время разрушать и время созидать.

Наш народ невероятно толковый, предприимчивый. У нас огромная, неистребимая воля к жизни. Воля жить красиво, достойно, богато. У нас очень красивые внешностью и очень благородные внутренне люди. Даже во время войны чеченцы вели себя невероятно благородно по отношению к противнику. Однажды в ходе боев нашу республику посетила делегация Украинского парламента. Погостив у нас, депутаты сделали такое заключение: у вас что стар, что млад словно договорились показать всему миру невероятное благородство своего народа.

Но эти добрые качества в будущем нам надо не только сохранить, но и преумножить. Правильно говорят, что оказавшись на стыке европейской и азиатской культур, мусульманской и христианской религий, мы вынуждены будем играть на Кавказе роль примирителей народов, культур и религий. Более того, мы, как наиболее отчетливо испытывавшие на себе все ужасы несправедливости, имеем на это безусловные моральные права. Мы волки только для тех, кто поступает с нами как хищники. Для друзей мы всегда были самыми верными друзьями. Чеченцы никогда друзей не предают.

В ЧЕЧНЕ НЕ ВОЙНА — В ЧЕЧНЕ РАЗБОРКА

Беседу провела Марьям Вахидова.

Таких офицеров, как Аслан Алиевич Масхадов в Советской Армии (без всякого преувеличения) было не больше пяти человек. Таких огневи́ков-артиллеристов, как Масхадов, не было во всем Прибалтийском округе.

Василий Иванович Завадский, подполковник запаса, бывший сослуживец Аслана Масхадова. Вряд ли Советская Армия могла похвастаться мыслящими офицерами в своих рядах. Однако Василий Иванович один из них, верный воинской присяге, сторонник железного порядка, он всегда сохранял ясную голову, горячее сердце и мятежную душу. Это помогало ему оставаться всегда высоко идейным, принципиальным и честным человеком и офицером. Таким запомнили его в Армии. Таким знают и в гражданской жизни. У нас есть возможность в этом убедиться.

— Уволился я из Армии в 1994 году, в конце ноября. Тогда в Чечне ситуация только накалялась. По телевизору говорили о захваченных в плен неопределенных лицах русской национальности. Якобы из подразделений Гантемирова Бислана. Впоследствии эти люди оказались нашими солдатами и офицерами. У меня в душе заскребло: от своего русского человека отказывалось русское правительство. Хотя приводились конкретные доказательства, удостоверения личности. В вечерних новостях увидел Масхадова, который сказал, что пленные будут наказаны по законам Ичкерии. Не выдержал — пошел в ФСК наше. Сказал, что Аслан Масхадов — мой бывший командир, что был с ним в хороших отношениях. Говорю, что не смогу забрать, может быть 90 человек, но десять — точно. Помогите мне пробраться туда. Журналисты в то время жаловались на телевидении, что даже их туда не пускают. Потом я понял, что допустил большую глупость. Чиновник, принявший меня, сказал, что не располагает никакой информацией. Дал понять, что я им не нужен. Я лично убедился

в том, что они в этом не были заинтересованы. На всякий случай оставил им свой адрес. Но ко мне до сих пор так никто и не обратился. В феврале услышал выступление председателя солдатских матерей, которая рассказывала, с каким пониманием принял их Масхадов и какие препятствия чинили им федеральные войска. Не выдержал вновь. Написал об Аслане Алиевиче в "АиФ". В мае прошлого года они (с большими сокращениями) опубликовали эту заметку в рубрике "Кто есть кто".

— *Похоже, Вы не тот офицер, который слепо выполняет любой приказ. У Вас есть единомышленники в Армии?*

— Среди офицеров запаса — преобладающее большинство. В нашей среде тоже есть равнодушные. Я таких презираю. Именно их безразличие порождает эту бессмысленную войну. В государстве нет идеи, а в Армии — тем более. А когда нет идеи, но есть деньги... Сколько их уволили, отказавшихся воевать в Чечне... По-моему, 500 человек. Наступит время, когда эти 500 человек станут героями. Такие конфликты решаются иначе. Когда наш президент говорил: "Берите столько суверенитета..."

Мы еще служили. Был 1991 год. Масхадов поехал в отпуск в Грозный. Вернулся. "Ничего не пойму, — говорит, — Василий Иванович, бросили все оружие, войска уходят..."

— *В Чечне ни полк, ни дивизию никто не захватывал. Офицеры уходили, зная, кому и что передают. Их провожали, создавая условия для безопасного выезда их семей...*

— Вы владеете информацией больше, чем я. Мне трудно с Вами спорить. Но я знаю, что, когда пошли разбирательства, кто кому оставил оружие, генерал Соколов ездил в Москву со своей охраной, где предоставил им копии всех документов. С чего бы Соколов (а он сейчас начальник Ульяновского Суворовского училища) хранил документы у себя, если бы все тогда происходило по закону. А если это незаконно, и кто-то погрел на этом руки, я бы тоже хранил все бумаги.

— *Если бы Вы были министром обороны, Вы послали бы в Чечню такое количество живой силы и боевой техники, с каким Российская Армия обрушилась на эту крохотную землю?*

— Я никогда не мыслил себя министром обороны. Хотя мне везло по службе. Училище закончил в 25 лет. Спустя шесть лет, без академии, стал заместителем комполка. Я был человеком принципиальным, верным идее и военным традициям. Любил железный порядок. В Германии попал под пресс партийных органов. Через два месяца мне стали лепить партвзыскания. За пять лет получил пять таких взысканий. Два — с занесением. Но я не сдался. До Германии я четыре года был замкомполка. За мной приезжали из Управления по кадрам Минобороны, чтобы забрать в Академию. Я отказался. Напомнил, что у меня партвзыскание. Офицеры запаса — в большинстве своем люди идейные. Сейчас же Армия безыдейная. Даже в Афганистан мы входили с идеей. А в Чечню людей гнали. Не было элементарного боевого порядка. Как можно смешать тыловые колонны с боевыми? Как солдаты могут не знать, куда их везут? Даже по форме не поймешь, то ли бандиты, то ли сброд какой. Перед Афганом у нас было десять строевых смотров. Подшивали погоны, наглаживались. Когда мы перешли их границу, в нас ни один не выстрелил. Все началось летом... Должен всегда побеждать разум. С любым человеком можно говорить, тем более с теми, кто знает твой язык. У нас тоже было много конфликтных ситуаций. В частности, в Вильнюсе. Нам приходилось перегонять много техники. Я сам выводил самоходный полк. Находили же мы контакт с народом. Нельзя говорить, что народ плохой. Кстати, идет это с "верхов". В любой войне греют и руки. Взять хоть Афганистан. "Верхи снимают свой куш. Но кто досматривает авиаторов? Сколько они перетаскали с той войны! Сейчас тоже отмывают деньги. У нас нет Армии Офицеров, кроме денег, их ничто не интересует. Элитные части укомплектованы на 70%.

Я прослужил 28,5 лет. Впервые сейчас получил квартиру. У меня жена никогда не спрашивала, как мы будем жить, где будем жить? Куда едем?

Я приносил домой медаль "За безупречную службу" и говорил жене: "Валя, это часть твоей судьбы"...

— *Когда-то высшей привилегией для женищин было выйти замуж за офицера.*

— Моя жена очень счастлива со мной, а я счастлив тем, что у меня такая жена. Мне приходилось служить в очень тяжелых местах, но моя жена никогда не плакала.

— Как Вы думаете чувствуют себя летчики, которые бомбят Чечню?

— Я далек от авиации. Но в Армии существует поговорка: там, где начинается авиация, там кончается порядок. А бомбежки эти демонстрируют порядок в Армии. Все делается, я думаю, ради денег. Большинство летчиков запаса, я знаю, презирают тех, кто бомбит Чечню.

Хотя, с другой стороны, эти летчики просто поставлены в такие условия: хочешь квартиру — лети в Чечню. Нас тоже в Вильнюсе (после расформирования 7-й дивизии) пытались разогнать без квартир. Но мы (а тогда еще был Союз!) писали президенту, Верховному Совету, во все СМИ, правительству Литвы... Пытались даже подняться на демонстрацию. Мы объединились. У нас была одна цель. И никто нас не уволил. Все получили квартиры. А сегодня офицерам тяжело ориентироваться в происходящем. Они заблуждаются. Нет никакой политработы в Армии. Есть приказ. Присяга. Но нельзя забывать, что все наши старые офицеры принимали старую присягу.

— После распада СССР Вы не присягали России?

— Нет. Нам сказали, что мы, офицеры, подчиняемся указам президента России Российской Армии.

Текст новой присяги появился в 1993 году. Точнее, в начале 1994 года.

— Может, это объясняет, почему и политики, и Министерство обороны РФ так легко отказывались от своих военнопленных в Чечне. А вот, когда своих генералов они называют бандитами и отказываются вести с ними переговоры — это как понимать?

— Когда вышестоящий начальник не хочет говорить с нижестоящим — это называется пижонством. В Армии, если ты занимаешь кресло Министра обороны, то должен не только из пушек палить, но и за стол садиться.

— А если тебя политики ориентируют на определенные шаги, ведущие к конфронтации?

— В любом случае, в такой ситуации, как в Чечне, должны решать только политики, без военных. В Чечне — не война, в Чечне — разборка. Открытая.

— Еще живо поколение, которое помнит время, когда офицеры считались чуть ли не особой кастой, белой костью. Как может в столь короткое время перевернуться сознание человека, чтобы дать втянуть себя в политические разборки?

— В Армии, к сожалению, тоже есть генералы — шестерки. Есть и такие, как Воробьев, Громов, которые отказались идти в Чечню. Стыдно было слушать Грачева, который после всего, что натворил в Чечне, заявляет: "...Если мне скажут, я уйду в отставку". Да я б сквозь землю провалился на его месте! Мы с Асланом Алиевичем, проводя учение, до мельчайших подробностей продумывали все. А Грачев посылает войска в Чечню, которые там потом едят помой и не моются бог весть сколько суток. В Афганистане солдаты ели вареную колбасу каждый день, и в свое время. Офицеров кормили полукопченой колбасой. Да, было, когда не сразу доходило что-то до бойцов, но это были исключительные случаи. Бани мы строили сами. Солдаты постоянно мылись. А тут в цветущем крае не могут найти воды... Здесь и коммуникации, и железная дорога. Ты обязан просто создать условия для солдат.

— Не умеют создавать?

— Это делается специально, чтобы обозлить людей. Чтоб они занимались мародерством, убийствами. Голодный человек страшнее любого зверя. И после всего этого заявлять: если попросите!...

— Те потери, что несет Армия в Чечне. Вы верите?...

— Я абсолютно в них не верю. Лебедь уже сказал, что их надо увеличить в 10 раз. Думаю, что потери занижаются по меньшей мере раз в 15. Что касается потерь боевиков. В начале войны говорили, что в Армии Дудаева всего 5 тысяч человек. А называют цифры погибших 70 тысяч. Так выходит, что два поколения уже перебито. Не понимаю и другое. Если российские потери составляют две тысячи человек, почему бы не опубликовать их фамилии? Их же просили об этом. Объявляют: погибло два человека, ранено три. Что трудно назвать фамилию? Каждая мать здесь, в Новгороде, в Твери, прикипает к телевизору во время новостей, а после стоят буквально на ушах. Почему бы не сказать, что погибли Иванов, Петров... Это же сто человек.

— У Вас есть сыновья?

— Два сына. Один — курсант Московского Высшего Военного училища, другой — в Суворовском училище, будут офицерами. Мне один товарищ говорит: "А вот пошлют их в Чечню..."

Я ему ответил, что мои сыновья будут защищать только рубежи нашей Родины и только на справедливой войне. Этому я и учил своих сыновей. Почему мы сошлись с Асланом Масхадовым? В 1988-м году, когда я приехал в полк под его командованием, у нас была самая сильная боевая подготовка. У нас каждый офицер каждый день знал свою оценку. В штабе полка висел щит, где ежемесячно выставлялась оценка по каждому предмету обучения. Я жил при штабе с семьей. Щит был как раз напротив моей двери. И жена, и дети могли видеть фамилию своего мужа, и отца под вывеской: "Они умножают наши традиции". Ниже было и такое: "Они позорят наши ряды". Так вот, и для меня, и для всех офицеров это было высшим стимулом — быть примером для своих детей и никогда не опускаться в глазах своей жены. Итоги подводились стабильно. Но что интересно. Масхадов никогда не делал себе поблажек и поручал мне, своему заместителю, экзаменовать его. Я проверял командира полка! Кроме того у нас работал

женсовет. Жен приглашали на учебные и строевые занятия их мужей. Регулярно вывешивалось расписание на месяц. И не было разницы — весь состав офицеров на месте или только 2—3 человека. Занятия шли по полной программе. В дивизии нас прозвали дурным полком. Наши офицеры бегают на плацу, прыгают, занимаются физподготовкой, а другие идут домой и тычут в нас пальцами: "Отличники!" Зато наш самоходно-артполк при Масхадове в округе входил в первую пятерку. В 1989 году полк в дивизии занял первое место, а в 90-м году вышел на первое место в округе среди всех артполков Прибалтики. Таких огневиков-артиллеристов, как Масхадов, не было в округе. Офицеры наши порой обижались за высокую требовательность. Когда мы выезжали в лагеря, дни были так насыщены программой, что офицеры просто падали. Плановые занятия, смотры, конкурсы, викторины, стрельбы. И Масхадов сам участвовал во всех этих мероприятиях на равных.

Таких офицеров в Советской Армии (без всякого преувеличения) было не больше пяти человек.

Когда Грачев стал командиром дивизии, в газете появился снимок, где он бежит рядом с солдатом. Масхадов у нас каждый день бегал и — ничего.

"Понимаешь, Василий Иванович, — говорил он мне, — тяжело утром заставить себя встать, а спортом заниматься легко". Мы с ним, как говорят, сошлись характерами. Мы были единомышленниками, хотя были у нас и конфликты.

Помню такой случай. Аслан Алиевич получил звание полковника.

Так было заведено, что новые звания отмечались. Собрались и на этот раз. Были приближенные в полку, командиры дивизионов, начальники ведущих служб. А потом он собрал всех своих земляков, своих заместителей у себя дома. Было это в субботу. Я был с ним в ссоре. Не помню, по какому поводу. Вечером собираюсь домой, а Аслан Алиевич говорит мне:

— В.И., ты не забыл, что ты должен быть у меня в 17.00?

Я сказал, что еще подумаю. Обида взяла верх, — и я не пошел. Приезжает ко мне в часть солдат на машине (был он из Кабардино-Балкарии) и говорит, что меня ждет Масхадов. Я отказался. Прихожу домой. Опять тот же солдат. Говорит:

“Полковник Масхадов сказал, чтобы без Вас не приезжал”. Вмешалась жена. Поехал. Приезжаем. Все сидят за столом. Много знатных людей. Аслан Алиевич встает из-за стола и идет мне навстречу со словами:

— Ты знаешь, В.И., я все сидел и думал — где я мог тебя обидеть:

Представил меня своим гостям. Для меня это была большая честь. Я очень уважаю Аслана Алиевича.

— *Вы виделись с ним с тех пор, как расстались в Вильнюсе?*

— Нет. Но мы переписывались. Последний раз я получил от него письмо 17 декабря прошлого года. В последнее время его, к сожалению, мало показывают по телевизору.

— *Изменился Аслан Алиевич внешне?*

— Поседел очень. Таким седым он не был. Очень уставший.

— *Ожесточила его война? В письмах, в чертах лица не угадывается такое?*

— Нет. Тот же Масхадов. Он был мне как брат. Таким и остался.

— *А Вы не думали о том, что могли оказаться в Чечне по другую сторону фронта с Масхадовым?*

— Такое произойти не могло. Я бы отказался. Это бессмысленно.

— *Но ведь были такие случаи. И немало. Когда бывшие друзья-афганцы встречались в Чечне во вражеских лагерях. Искренне радовались встрече друг с другом, но потом возвращались в окопы и стреляли друг в друга.*

— Я повторяю — я бы отказался. Это не война. Это наш позор. Когда мы провожали Масхадова, пригласили и самого первого командира нашего полка, который давно уже был на

пенсии. (Без него у нас не проходило ни одного мероприятия). Подняли тост, что если нас судьба разметет по разным армиям, никогда не будем воевать друг против друга. И так оно и будет. У Масхадова был очень большой авторитет. Я рад, что и среди своего народа, он сумел остаться на высоте.

Прежде, чем что-то сделать, Масхадов очень много думал всегда. Он никогда не был взрывным, агрессивным.

— *Как Вы думаете, случайно ли чеченская сторона выбрала Масхадова на переговоры с российской стороной?*

— Аслан Алиевич — идеальная кандидатура для мирных переговоров. Думаю, что, если бы не покушение на генерала Романова, они оба добились бы позитивных результатов. Покушение это никак не связываю с именем Масхадова. И дай Бог, чтобы генерал Романов выздоровел. Думаю, что он не найдет ни одного дурного слова в адрес Масхадова. Аслан Алиевич очень тяжело переживал эту трагедию.

— *После покушения на генерала Романова, в “АиФе” появилась разоблачительная статья о нем. Его обвиняли в частности, и в трагедии Самашек, где он якобы действовал под фамилией Антонов. В Армии действительно так скоро рассекречивают высших офицеров, выполняющих спецзадание Родины или с Романовым поторопились, надеясь, что он не выкарабкается? И тогда на него можно списать любое зверство.*

— Хотите знать, что творится у нас в Армии? То, что творится в государстве. Кто, что хочет, то и ворочает. Что касается спецопераций и их рассекречиваний...

— *Какой-то моральный долг перед своим офицером должен же быть у государства? Или в Армии? Когда они не наносят удар в спину или не бьют лежащего?*

— Может быть и так. Нисколько не исключаю. Дай Бог, чтобы Романов заговорил. Он бы пролил свет на многое. Но что я знаю определенно так это то, что Масхадов не знал о готовящемся покушении. Он бы не смог этого скрыть.

— *Аслан Алиевич сам ушел из Армии?*

— По собственному желанию. Но ему создали такую обстановку. Масхадов пользовался, как я уже говорил, большим уважением в дивизии. В 1991 году страна распалась. А осенью 90-го года А.А. уже был начальником артиллерии дивизии. В 1991 году пришел новый командир дивизии Фролов. Он повел совсем другую политику. Стал называть дивизию мятежной, а нас — революционерами. Видно, он был в курсе того, что происходило в Москве. Началась демократия. В Вооруженных силах появилось Положение об офицерских собраниях. У нас тоже провели такое собрание, где А.А. был избран председателем общего собрания всей дивизии. И он стал на защиту интересов офицеров, а не чиновников. В Литве условия наши стали ухудшаться. Республика стала независимой. Офицерам приходилось делать все самим, даже уборкой территории занимались. Но боевая подготовка, считал Масхадов, не должна страдать. “Наверху” нас не хотели слышать. Стал вопрос о выводе нашей дивизии. Комдив ездил в округ, в Москву, но о результатах поездки умалчивал. Дивизию хотели вывести в болотные места. Масхадов тогда прямо заявил комдиву:

— Тов. полковник, Вы должны доложить офицерам...

— Не лезьте не в свое дело, — отрезал тот.

На офицерском собрании Масхадов продолжал настаивать:

— Скажите офицерам правду! У них семьи. У меня есть квартира. Мне все равно. Я могу ее продать. А что делать всем остальным, которые не имеют жилплощади? Тогда стали делать все, чтобы задеть его за самолюбие, честь и достоинство, зная, что он чеченец и не позволит с собой так обращаться. И добились своего, Масхадов написал рапорт. Что интересно, приказ пришел за каких-то дней 20. Приходит шифровка телеграммой, на которой комдив пишет: “С завтрашнего дня исключить из списков части”.

Полковника Советской Армии, награжденного двумя орденами за службу Родине (получил бы третий орден — это было равносильно званию Героя Советского Союза) — вот так вот взяли и выставили из Армии. Дабы соблюсти формальность, Фролов решил устроить Масхадову официальные проводы, но

А.А. к нему не пошел. Он отдельно собрал офицеров дивизии уже у меня в полку. Мы еще оставались на территории дивизии. Посидели. Затем собрали остаток нашего полка. Тоже отметили. И 22 ноября мы проводили его на вокзал. Так Масхадов уехал в Чечню. Семья его уже была там.

— *О чем он мечтал перед отъездом на родину?*

— В.И., — говорил он мне, — хочу свой домик. Заняться огородом. Хочу к земле. Как отец мой, ухаживать за ней. Отвлекусь от всего. “Ничего у тебя не получится, — сказал я ему тогда, — не тот у тебя характер”. И когда началась эта позорная бойня в Чечне, когда велся огонь артиллерии, я узнал почерк Масхадова. И до сих пор не перестаю удивляться бездарности наших офицеров, несущих там огромные потери.

— *По военным сводкам и съемкам, — если я правильно поняла, Вы могли различить почерк Масхадова?*

— На экране я увидел автоматы, обмотанные белыми тряпками, понял — это тоже Масхадов. Помню такой случай. Выехали мы как-то в лагерь. Идет строевой смотр полка. Нет белых тряпок замотать автоматы (в Прибалтике в феврале, правда, уже нет снега). Так Масхадов заставил нас повторно провести смотр. Вызывает меня: “В.И., где маск-халаты?” “Снега же нет” — отвечаю. — “Какой сейчас месяц?” “Февраль”. “Какой это месяц года” — “Зима”. “Мы должны это учитывать?” Маск-халаты мышили из старого белья и оно было очень ненадежно. Зацепил — порвал — выбросил. Объясняю ему, а он стоит на своем: “Это уже проблемы зама по тылу. Не твои проблемы”.

Никаких поблажек даже на учениях. И вообще это человек, который очень скрупулезно ведет всему учет. Очень аккуратно, культурно.

— *Нас пытаются убедить в том, что Россия уничтожает бандформирования. Мог Масхадов возглавить банду?*

— Бандформирование — это ярлык. Вот идет человек по улице. Дебил. Но даже его никто не назовет так. А когда наш

уважаемый президент заявлял: берите суверенитет..., — он должен был знать, что найдутся и такие, которые возьмут. Сказал — отвечай за свои слова. Нельзя же президенту страны не думать, о чем он говорит и как это отзовется...

Вот и в Краснодаре... Что это за помидор немецкий... Краснодарский это помидор! Как ляпнет что-нибудь...

Мне могут преподносить все, что угодно, но когда я вижу по телевизору чеченский народ, вышедший на улицы и площади с портретом Джохара, несмотря на российские танки и бомбежки, я думаю, что Дудаев их устраивал и устраивает. Почему у нас в Новгороде не выходят с портретами Ельцина? Значит, люди чем-то недовольны? Ярлыки мржно навешивать на других, когда ты себя не уважаешь. Я считаю, что наша власть в первую очередь не уважает себя.

— *Какая, на Ваш взгляд, могла бы сейчас быть идея в государстве Российском и в Армии, чтобы они научились себя уважать?*

— Идея должна быть в Единстве! В Примирении. И тогда Армия станет истинно народной. 1996 год. А Армия ходит непонятно в какой форме. Продались Западу. Ничего российского даже в камуфляже. У меня отец всю войну прошел. Он рассказывал, что в армии тогда был закон — умирать должен чистым. Перед любой атакой. Побрит и подушен. Стыдно было смотреть на уважаемого генерала Рохлина. Это бывший мой командир, который командовал нашей 8-й общевойсковой армией в Германии. Показывают его по телевизору. Сидит в командном пункте — свитер на пол-лица. Это что? Не лицо армии? Это пример солдатам?

— *Кстати, когда Рохлин говорит, что он, в частности, столкнулся в Чечне с противником, в несколько раз превосходившим его силы, Вы можете себе такое представить?*

— Такое никто не может себе представить. Я бы его спросил: куда Вы лезли, не имея никаких разведанных? А если чеченский народ превосходил Рохлина, так он его превосходил своим единством, своим духом, своим мужеством. История еще даст всему свою оценку, — как говорит Масхадов.

— *О чеченской войне мы узнаем когда-нибудь правду?*

— Может, мне не придется.

— *А об афганской войне мы знаем сегодня всю правду?*

— Нет. Всей правды мы не знаем.

— *Может, потому, что мы не потребовали правды об афганской войне, мы сегодня имеем Чечню?*

— Нам говорили, что Амин — враг народа, агент ЦРУ, а он оказался народным героем. После нас в Афганистане стало хуже, чем было до нас. А кто и с кого за это спросит?

Вот так и будет? Афганистан — Чечня — ...

P.S. Как они похожи, — сопровождала меня мысль — русский офицер Завадский и чеченец Масхадов. Такое ощущение, что они и сейчас в одной армии. Война опалила их обоих, но не смогла развести по разные стороны баррикад. Может, поэтому в самый тяжелый в своей жизни час, Аслан Масхадов не нашел более близкого человека, которому мог просто излить душу.

Здравствуй, Василий Иванович!

Бесконечно благодарен, что в такое жуткое время вспомнил, написал. Пойми, в это страшное для моего маленького и несчастного народа, да и для народа России, время для меня — человека, который по воле судьбы оказался во главе по ту сторону баррикад очень важно знать приговор моих однополчан, друзей и товарищей по службе. Не знаю, кто виноват в этой трагедии, но скажу со всей ответственностью, что нет здесь моей вины. Когда вошла в мою республику страшная, чудовищная, громадная Армия России, уничтожая и сметая все на своем пути, самыми изощренными методами, я знал, что трудно будет устоять против этой громады с кучкой

храбрецов, но поступить по-другому я не смог. С помощью аллаха в этой войне мы спасли свой народ от полного уничтожения. Все это было преподнесено и названо наведением Конституционного порядка. Этому история даст оценку. С первого же дня штурма Грозного, я выходил на связь с генералами Бабичевым, Рохлиным, предлагал им взять на себя ответственность остановить эту бойню, сам я как военный был готов к этому даже против воли политиков с моей стороны, вплоть до Дудаева. Российские генералы Бабичев, Рохлин, Квашнин, Куликов не решились на это, думали о пенсии, положении, квартирах. Через три дня после штурма города, когда 131 мебр, 81 тп и другие части полностью погибли, когда все, что вошло в город, было сожжено, уничтожено, тысячи сопливых молодых красивых парней, российских солдат, лежали на тротуарах города, от трупов невозможно было пройти по городу, и эти трупы начали съедать голодные собаки и кошки, я просил генерала Бабичева остановить войну хотя бы на один день (если нужно, потом продолжим), чтобы собрать свои же трупы, они даже на это не пошли. Вместо этого они мне предложили поднять белый флаг над президентским дворцом, и я их послал к черту и еще дальше. Сегодня у меня российские матери просят вернуть хотя бы трупы, я их направляю к этим генералам, которые еще в то время не думали об этих несчастных матерях, а спешили выполнить приказ. Извини, нет у меня злости ни к какому народу, даже после этого варварства, у меня злость на весь мир и на все живое и разумное в этом мире, которые спокойно смотрели, как уничтожают ни в чем не повинных людей по воле 3—5 придурков, что ваших, что наших. И сегодня, Василий Иванович, я, являясь гарантом выполнения военного соглашения, делаю все возможное, чтобы хоть сегодня сохранить жизни моих соотечественников и этих же солдат. Поверь, и сегодня очень тяжело вернуть все это в русло мирного урегулирования.

Передай привет жене, детям, всем, кого встретишь из наших товарищей. Своего адреса у меня пока нет, все раскурочено войной и нет у меня постоянного проживания.

С уважением, Аслан.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

ТАКОЙ БЫЛА НАША ЗЕМЛЯ

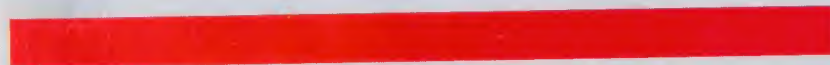

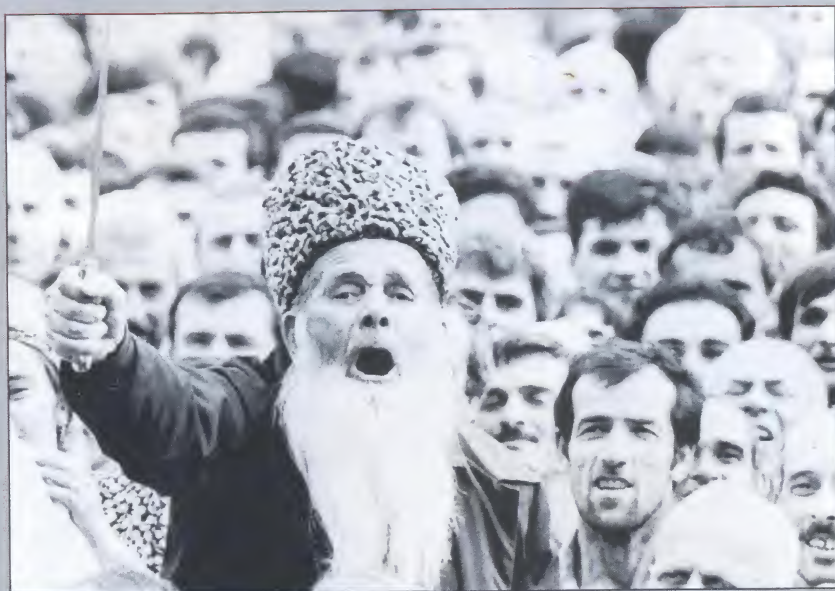

ЛИЦО ВОЙНЫ

ТО, ЧТО НЕ СМОГЛИ У НАС ОТНЯТЬ

ТО, ЧТО НЕ СМОГЛИ У НАС ОТНЯТЬ

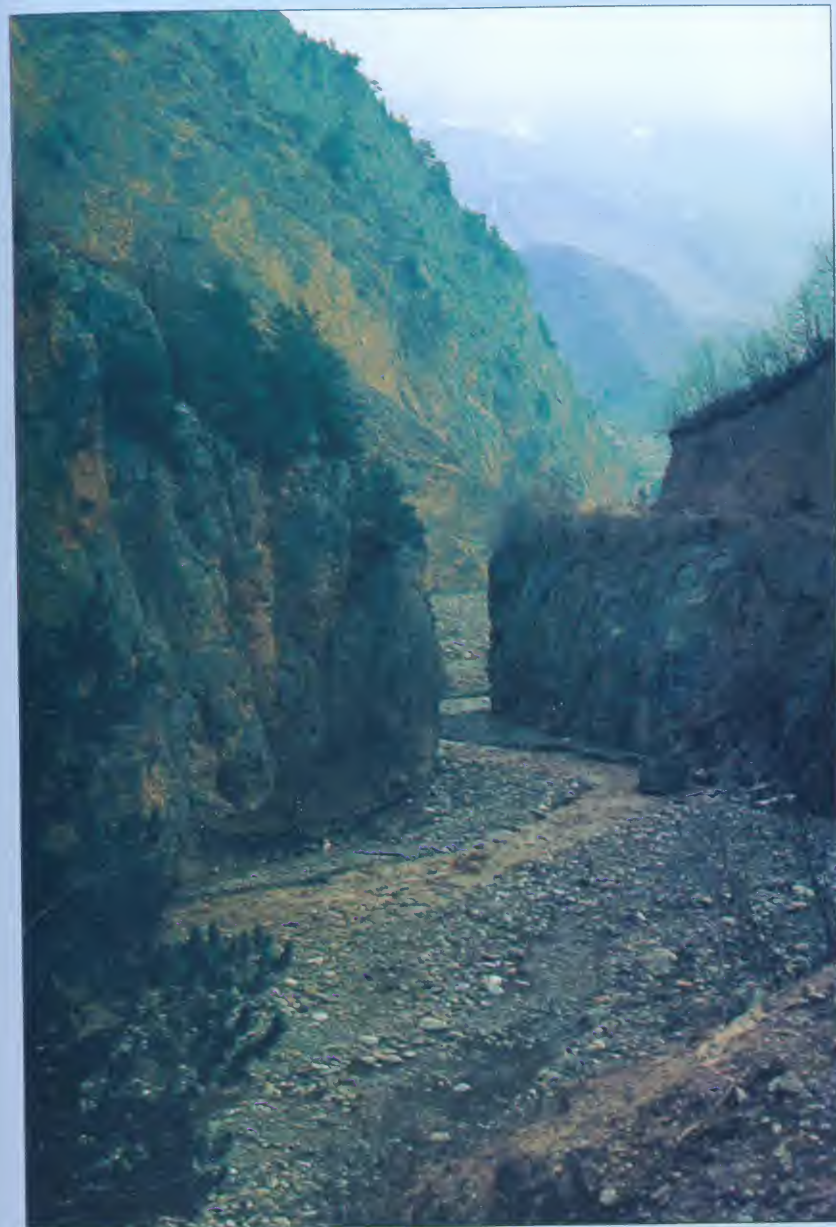

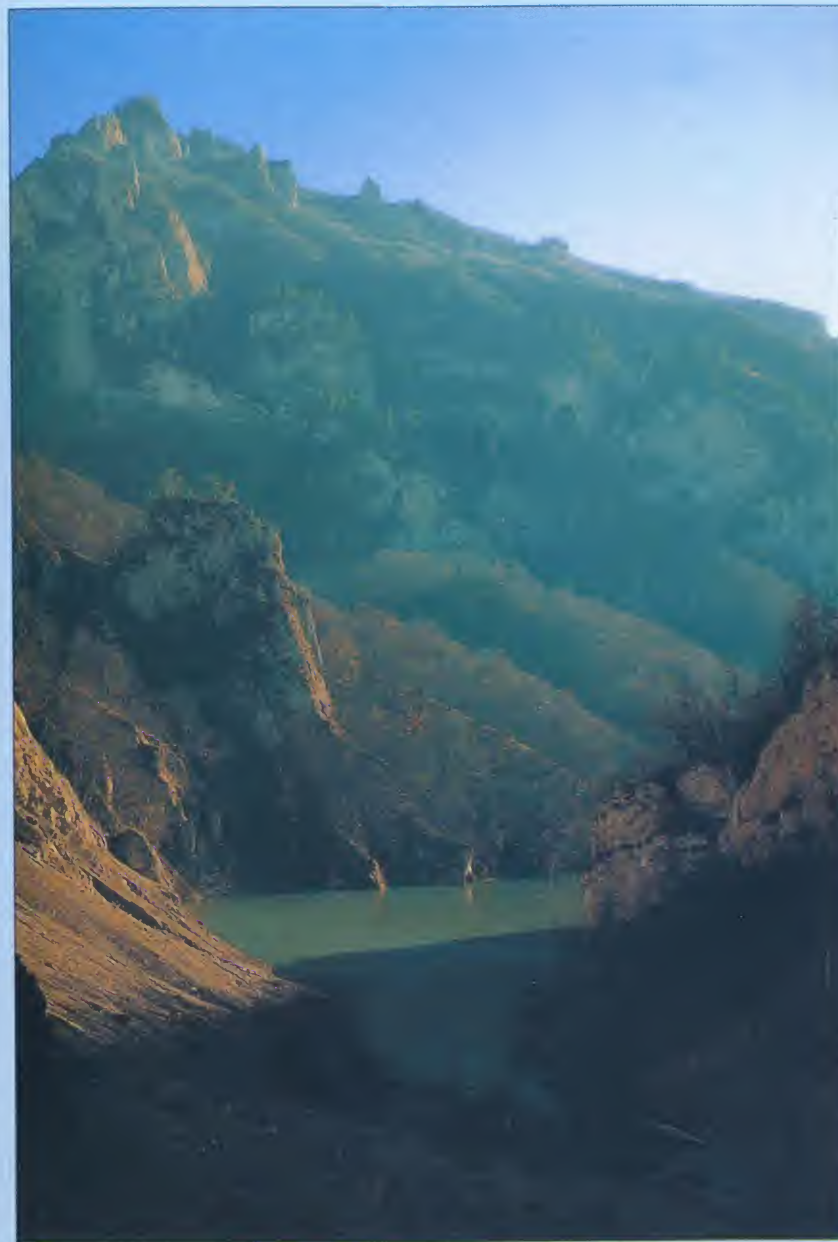
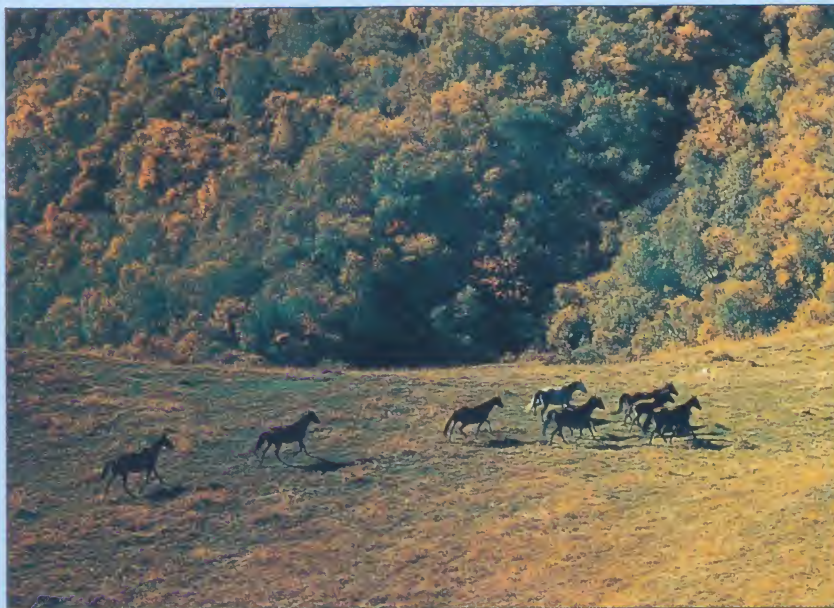

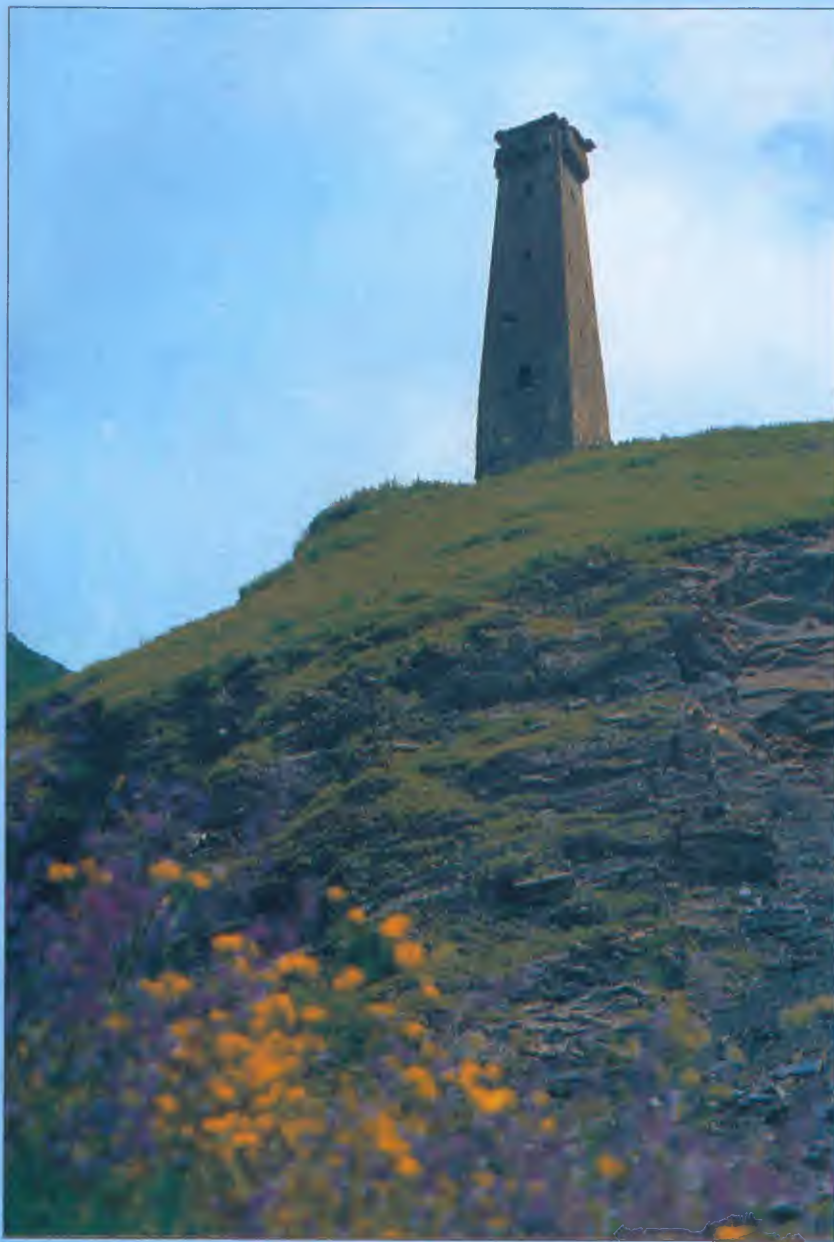

ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Российская армия никогда не выигрывала несправедливых войн

Борис КАГАРЛИЦКИЙ

Битые генералы всегда и везде ссылаются на то, что им дали недостаточно сил и недостаточно современное и мощное вооружение. К тому же они непременно жалуются на политиков, которые не дали им довести войну до победы. Этим они лишь в очередной раз доказывают, что в военном деле ничего не понимают. Еще Клаузевиц писал, что война есть продолжение политики другими средствами. Когда продолжение боевых действий начинает противоречить политическим целям, ради которых война начата, — это уже поражение.

Нынешним российским военным всегда не хватает одной недели, чтобы “добить” чеченское сопротивление, точно так же проигравшим политикам всегда не хватает одного дня, чтобы “переломить” ход выборов, и т.д. Этой недели, дня, часа всегда будет не хватать тем, кто обречен на поражение.

Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным. Эту политическую истину в Кремле забыли, но в чеченском сопротивлении хорошо помнят. Вот почему генерал советской армии Аслан Масхадов и землемер Шамиль Басаев, мечтающий после войны стать пчеловодом, били и будут бить российских министров и генералов.

Во всех освободительных войнах, начиная со времен Вильгельма Телля, гуситов и борьбы Соединенных Штатов за независимость, повстанцы уступали регулярной армии и по вооружению, и по “профессионализму” и даже по численности. И непременно побеждали. Нынешняя военная верхушка России пытается опереться на “профессионалов” в армии. Профессионал в ее понимании — это человек, готовый хорошо убивать за приличные деньги. Русская армия в этом смысле никогда профессиональной не была. И почему-то часто побеждала западные армии, которые были во много раз профессиональнее. А заодно — лучше вооружены, лучше накормлены, лучше экипированы. Сила русского солдата была не в этом. Русские армии были готовы не просто воевать, а умирать

за свою страну. Так же, как сегодня — чеченские боевики.

Русская армия, всегда будучи непрофессиональной, сражалась хорошо лишь тогда, когда у солдата была внутренняя уверенность в своей правоте. Когда она исчезала, русскую армию били. Это чувство внутренней уверенности не могли заменить ни сказки о “желтой угрозе” в годы русско-японской войны, ни призывы умереть за “царя и отечество” в 1914 году, ни призыв “отодвинуть” границу, присоединив Финляндию, ни демагогия об “интернациональном долге” в Афганистане, ни рассуждения о “неделимости” России, звучащие издевательством во времена когда сама власть, развалив Союз, торгует собственной страной оптом, в розницу и на экспорт. Важнейшим достоинством русской армии всегда была ее поразительная способность проигрывать несправедливые войны. В этом смысле у нас, может быть, есть не меньше оснований гордиться поражениями русской армии, чем ее победами.

Разумеется, некоторые захватнические войны Россия выигрывала. Но каждый раз, встречая неприятеля, который решительно и последовательно отстаивал свою независимость, русский солдат неожиданно терял свои знаменитые качества. А затем вновь обретал их, когда дело касалось Родины. Под Аустерлицем и при Бородине сражалась одна и та же русская армия. Но до тех пор, пока Наполеон воевал с русскими в Европе, он бил их постоянно. И лишь столкнувшись с неприятельским нашествием на родной земле, русский солдат стал воевать лучше французов. А потом по инерции дошел до Парижа, преследуя отступающего агрессора.

Российские власти в 1994 году еще могли утверждать, будто ведут борьбу против “режима Дудаева”. Но этого режима в Чечне давно уже нет. Как нет и самого Дудаева. Порядки, царившие в Грозном до начала войны, вряд ли могут вызвать особое восхищение. Хотя они ничем не хуже порядков, царивших и по-прежнему царящих во всей России. Вторжение федеральных войск все изменило. На смену дудаевской власти пришла самоорганизация вооруженного народа. Сопротивление добивается ухода армии, бомбящей мирное население, разрушающей города и села республики. Оно выступает против насквозь коррумпированного режима Доку Завгаева, который держится только на штыках федеральных войск. Неудивительно,

что боевики верят в свою правоту. Неудивительно, что и русские солдаты, которые видят своими глазами все происходящее в республике, не хотят умирать за Завгаева и других жирных котов из Москвы и Грозного.

Всякий раз, когда боевые действия прекращаются, почти по всей Чечне возникает ситуация двоевластия. Альтернативная власть сил сопротивления не могла бы существовать без бюрократического аппарата, если бы не опиралась на массы. И с каждым днем войны связь между боевиками и населением укрепляется. Если российская армия чего-то и добилась, так это радикализации Чечни. Армию генерала Дудаева российские генералы кое-как победили. Народное восстание они подавить не в силах.

У чеченского сопротивления есть внутренняя уверенность в своей правоте, столь необходимая для победы против превосходящих сил противника. И в этом смысле именно чеченские боевики являются продолжателями традиций русской и советской армии. Нынешняя чеченская война имеет мало общего с Кавказской войной XIX века. Тогда европейской армии противостояли горцы. Сегодня одним бывшим советским противостоят другие бывшие советские. Чеченские повстанцы почти все служили в советской армии, усвоили ее традиции, образ мышления и даже русский язык. Но соединили это с собственной традицией освободительной войны. Несомненно, читали они и работы Ленина о теории восстания. И даже если они не вспоминают сейчас о них, то действуют в точном соответствии с ленинскими идеями.

Из работ Ленина российский обыватель запомнил только призыв взять почту, вокзалы и телеграф. Главное было совершенно в другом. Ленин и Троцкий осознали политический характер войны вообще и особенно войны революционной. Цель боевых действий состоит именно в том, чтобы нанести противнику политическое и моральное поражение. Военное поражение наступает как следствие политического. Именно так действуют и чеченские бойцы. Они знают, что их меньше, что у них нет танков и авиации, но один Мовлади Удугов, по признанию министра Куликова, стоит целого отдела ЦК КПСС. Любой повстанческий командир одновременно оказывается и народным лидером, и пропагандистом, дающим интервью куда

лучше, нежели профессионалы public relations, обученные в специальных школах. Повстанцы должны донести до людей всю правду. И они это делают. Война становится вооруженной агитацией, обращенной не только к чеченскому, но и к русскому народу. Тем временем российская армия все больше вызывает недоверие не только в Чечне, но и в России.

Ленин призвал заменить армию всеобщим вооружением народа. Полная утопия даже для того времени! Но красные побеждали белых в гражданской войне не потому, что были лучше вооружены, — с оружием и военными знаниями у них было хуже. Они просто были народнее. Чеченская революция — теперь мы можем эти слова произносить без кавычек — точно выполнила призыв Ленина. Народ вооружен. А потому готов отстаивать свою свободу.

Именно “свобода”, а не “независимость” становится ключевым словом чеченских повстанцев. Политики рано или поздно будут решать, как построить отношения Чечни и России. Будет ли это независимость, ассоциация или конфедерация, а может быть, какое-то новое союзное государство, говорить рано. Но сегодня борьба идет не за формулу урегулирования, а за право жить по-своему, устраивать свою жизнь по собственному усмотрению.

Право, которого русский народ, несмотря на всю свою великую историю, пока так и не добился.

Борис Юльевич Кагарлицкий — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН.

В ПЛЕНУ САМОДУРСТВА

Лен КАРПИНСКИЙ

У сторонников ракетно-бомбового решения чеченской головоломки на все один резон: государство (“интересы государства”, “воля государства”, “защита государства”...)

Но вопреки стойкому предрассудку россиян, будто совокупное начальство и есть Отечество, государство отнюдь не тождественно обществу. Государство вырастает из общества, однако, обслуживая определенные общественные потребности с помощью власти, как правило, обособляется от общества, более того — стремится господствовать над ним. Для государства истинно только то, что ему выгодно. Тот, кто хорошо устроился в гнездах властной иерархии под крышей государства, всегда доказывает, что полезное государству непременно полезно всем гражданам.

Кремлевские силовики и примкнувшие к ним политики доказывают, что армия защищает в Чечне права и свободы российских граждан. Но основное право — право на жизнь.

Поджигатели военного столкновения в Чечне пытаются выйти из скандального положения с помощью фразеологических упражнений типа: “нет партии войны, есть партия конституции”. Но что же меняется по существу, если конституция насаждается путем войны? Если избранное средство — война, то все, в том числе и конституция, стреляет.

“Ах, война, что ты, подлая, сделала!” — известное поэтическое восклицание Булата Окуджавы оборачивается также формулой политической. Все усилия правительственной пропаганды направлены на замутнение коренных обстоятельств. Чья это война? Ничья, и не война вовсе, а ряд боевых мероприятий. Ничья война — ничья и вина. Общая трагедия, все страдают и рыдают. Грачев с Ериным тоже.

После того как проливается кровь, мирные переговоры принципиально затруднены. Они некоторое время даже невозможны, так как возникают ненависть и жажда отмщения.

Однако война развязана именно Москвой. И это — неустранимое обстоятельство, в свете которого все эпизоды и

события приобретают странные политические очертания. Развернутая российским правительством гуманитарная помощь населению Чечни поступает вместе с оружием и боеприпасами, а гуманитарная бомба, согласитесь, что-то новое и запредельное.

После того как проливается кровь, мирные переговоры принципиально затруднены. Они некоторое время даже невозможны, так как возникает ненависть и жажда отмщения.

Насквозь лживый официоз любит учить прессу объективности, дескать, показывайте обе стороны конфликта. Да нет никаких "обеих сторон", стороны принципиально несопоставимы! Нельзя ставить на одну доску политические амбиции и человеческие жизни. Первым грош цена, вторые бесценны. Удивительна поэтому эволюция "демократа" Козырева с его бездушной софистикой. С профессорским апломбом он рассуждает о необходимости любой ценой "делегитимизировать режим Дудаева" и о "правомерности крови" для преодоления сепаратизма. Не знаю, войдет ли министр Козырев в историю российской дипломатии, но в качестве пропагандиста "превентивной крови" (или "возмездия впрок") страна его не забудет.

Это война не только генералов, возглавляющих вооруженную систему страны, но и немалого числа прочих наследников Октября 1917 г. и октября 1993 г. — тех, кто давно или недавно пристрастился жить не трудом или капиталом, созданным и управляемым трудом, а от места в аппарате государства на костылях власти и великодержавности.

Это война всероссийской "местократии" с российскими работниками. Российское государство поступает с Чечней не как правозащитная структура, а как государство-правонарушитель.

Большинство российских граждан протестует не против права государства применять насилие вообще, а против безответственного или злонамеренного использования этого права. Вина правительства в том и состоит, что оно не только не сумело найти другие пути решения проблемы, но особенно и не искало их.

Напомним кое-что из прошлого. В начале 1992 г. сам президент Ельцин публично заявил, что решение проблемы Чечни, не подписавшей Федеративный договор, он видит в дополнительных трех-четырёх пунктах к этому договору, которые

предстоит обсудить на встречах делегаций сторон. Где же эти пункты (и эти встречи), посредством которых и чеченское руководство надеялось легитимизировать взаимоотношения с Москвой "не по вертикали, а по горизонтали?"

В 1993 году в правительстве и парламенте Чечни, уставшей от конфронтации "чеченского волка" (волк — герб ЧР) с "российским медведем", царил радостное настроение по поводу подписания заместителем председателя ВС РФ Юрием Яровым и заместителем председателя парламента ЧР Бектимаром Межидовым итогового документа, которым Россия де-факто признала политическую независимость и государственный суверенитет Чечни. Стороны договорились о создании комиссии по вопросам государственно-территориального разграничения между РФ и ЧР, о намерении иметь единую военную доктрину, единое экономическое пространство, согласованную финансово-бюджетную политику и т.п. Какое развитие получили эти договоренности и как впоследствии правительство РФ реагировало на явное стремление Чечни найти точки соприкосновения с Россией, доказать ей свою способность к компромиссам?

История правительственного ничегонеделания — яркий пример государственной "халявы", когда власть считает себя достаточным основанием для любого произвола.

Такие активисты кремлевско-чеченской бойни, как секретарь СБ Лобов или мыслители из ФСК, напевают на то, что Чечня — часть общероссийского целого. Не забывают при этом подчеркнуть: "неотъемлемая" часть, умалчивая о ее особом, даже уникальном характере. Президент предпочитает пользоваться понятием российского единства, возможно, забывав, чего стоили разного рода мертвящие монолиты, на которых держался тоталитарный строй.

К чему этот разговор? Вот к чему: дело не в том, можно или нельзя было решить миром проблему Чечни, а в том, что из мирного (переговорного) решения выросла бы какая-то форма правового партнерства федерального центра и данного субъекта федерации. Кому-то такая перспектива явно не нравилась. Московская власть фактически имеет в виду единство и целостность не России, а ее административного каркаса, обеспечивающего абсолютную проходимость авторитарных импульсов из центра к периферии. По существу, инициаторов

войны в Чечне волнует только один вопрос: сможет ли московский чиновник просто-напросто приказывать грозненскому или должен будет как-то деликатничать?

Пока в Чечне продолжается кровопролитие, думать о чем-либо другом, кроме того, как его прекратить, очень сложно. И все же следует постепенно подбираться к ответам на главные вопросы: что же все-таки произошло, каковы, если хотите, политическая платформа и идеология правительственной авантюры?

О каких субъектах федерации в унитарном государстве вообще может идти речь? Они здесь не более чем объекты управления (и усмирения) со стороны административного центра.

Что за "порядок" и по какой конституции он будет устанавливаться? Помнят ли члены СБ, что причиной войны кавказских народов, в том числе чеченцев, в XVIII—XIX вв. против России было не только их территориальное вытеснение? Как известно, успехи Шамиля опирались не только на свободолюбивый нрав кавказских народов, но и на созданную им стройную политико-правовую систему имамата — государства, которое наряду с регулярным войском располагало народным ополчением, признавало право ношения оружия в знак уважения к традициям горцев, обладало своим судопроизводством, просуществовавшим в Чечне до его ликвидации большевиками в 1926 году, особого рода представительной властью и системой политического самоуправления в виде регулярных съездов и постоянно действующего Высшего совета и т.п.

История правительственного ничегонеделания — яркий пример государственной "халявы", когда власть считает себя достаточным основанием для любого произвола.

Россия не может без сохранения своей целостности, Чечня не может без сохранения своей независимости. Демократическая мудрость президента и правительства РФ должна была состоять в том, чтобы найти такую форму договора, которая сохраняла бы независимость Чечни и одновременно обеспечивала целостность России.

Действительный же смысл творимой в Чечне "государственной целостности" будет состоять, по-видимому, в том, что — по логике унифицированной силовой конструкции — вслед за солдатом приходит каратель. Репрессивная власть, включая сколоченное в Москве марионеточное правительство Чечни (какое по счету?), не замедлит явиться. А власть представительная? Лишь в последний момент известный любитель заталкивать жизнь в разного рода схемы Сергей Шахрай вписал пункт о создании представительной власти на каком-то (кажется, третьем) этапе. разумеется, после всех первоочередных военно-оккупационных мероприятий. И это естественно, поскольку объединительную миссию выполняет война.

Для того чтобы репрессировать, необязательно депортировать. Зачем вывозить людей за тридевять земель, когда можно организовать нормальную лагерную зону на месте? Депортации чеченцев не будет, но не исключено, что будет чеченская резервация.

В чеченской акции Москвы можно предположить некую сверхзадачу. Незавершенный ("бархатный") авторитаризм из Москвы вывозится в Чечню, доводится здесь до кондиции зрелой диктатуры на почве оккупационного режима, а затем ввозится обратно в Россию, чем и будет обеспечиваться общероссийская "целостность" репрессивной политической системы. Не исключено, что эта экспортно-импортная операция в сфере политики и явилась главным движущим мотивом чеченской войны.

Нет, российская власть не "прозевала" Чечню. Она не упустила время, она его использовала, как ей было выгодно. Способ построения отношений между народами (как и между людьми) определяет и качество самой постройки. Если путь к целостности отутюжен танковыми гусеницами, то этот первородный грех создания проникает под оболочку созданного, и внутри полученного целого будет торжествовать насилие. Но федеративному центру в лице президента, правительственных и парламентских боевиков, похоже, того и хотелось.

Фактическое присвоение всех видов власти президентской олигархией (в лице Совета безопасности) послужило действенным способом поглощения общества государством. Важно то, что оспорить в СБ силовой вариант решения чеченской проблемы оказалось невозможным. Это значит, что авантюристическое

решение по Чечне носит, как говорят, структурный характер. Оно обусловлено "структурным поведением" высших должностных лиц, их представлениями о правилах иерархических взаимоотношений. Чеченский кризис предстает проявлением общего кризиса иерархических систем, получивших в советском государстве безраздельное господство и, увы, сохранивших свои позиции в новом российском Левиафане. Извне действительно кажется, что перед нами нагромождение нелепостей, разгул дезорганизации, скачки иррациональных сил. Но судорожный, сумбурно волюнтаристский образ действий и есть естественная логика работы бюрократической иерархии, где конкуренцию доводов замещает соперничество должностных авторитетов.

Более ста лет назад великий русский драматург Александр Островский ввел в оборот понятие самодурства, пояснив, что "самодур решительно никого не слушает", а "как топнет ногой: кто я? — Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежат, а то беда..." Тысячекратно возрастает беда от самодурства, вздернутого на уровень государства и составляющего существо авторитарного режима. Ельцин стал преемником и душеприказчиком всевластной компартии не случайно: президентское правление в его исполнении ближе всего к тоталитарному устройству власти.

Общая подоплека бесчисленных иезуитских вывертов властей вокруг Чечни — этих сквернейших анекдотов нашего времени — лежит в новом резком витке отчуждения государства от общества. Действующих в иерархической системе лиц отличает невменяемость: свидетельства обстоятельств и общественности доходят до них не в собственном объективном значении, а заранее просеиваются "применительно к подлости" государственного эгоизма. Генерал Грачев врет, но врет не только он персонально — его устами врет вельможное государство. Генерал Степашин долго молчал (говоря языком его ведомства — "не кололся"), скрывая вербовку военных в Чечню, но в его лице молчало и запиралось полицейское государство. Черномырдин лукавил, когда назвал единственным недостатком правительства опоздание с войной в Чечне, однако вместе с премьером лукавило это своекорыстное государство. Канал "Останкино" скрывает, подменяет и искажает факты, но этим занимаются не дикторы и даже не только Валентин Сергеев как держатель правительственного информационного

сита, а с помощью всех этих лиц лжет и изворачивается само государство. Эти лица лишь озвучивают внутреннюю ложь произрастающего в России государственного строя.

По существу, инициаторов войны в Чечне волнует только один вопрос: сможет ли московский чиновник просто-напросто приказывать грозненскому или должен будет как-то деликатничать?

Когда президент публично заявляет о чеченских взятках "некоторым СМИ", а также о корыстных мотивах действий "некоторых политиков", он не только характеризует сам себя, но и обнажает кухонные мозги и кляузническую душу возглавляемого им государства. Когда главный по Чечне Егоров категорически ратует за штурм Грозного — "а то примут за нашу слабость", он демонстрирует как свой собственный пещерный кругозор, так и кругозор пестующего его государства.

Сжатое и перекошенное в иерархической клетке политическое поведение становится, по существу, сугубо приспособительным. Бюрократическая функция как бы вживается в индивидуальный образ власть имущих, и уже невозможно то, что сегодня называется сотрудничеством свободных специалистов, как единственно эффективный принцип принятия безошибочных решений в сложных условиях.

Войну в Чечне развязали накануне нового 1995 года, того самого, когда будет отмечено десятилетие перестройки. Казалось, пути назад нет, страна необратимо идет к новой цивилизации. Война в Чечне свидетельствует, что мы, в сущности, топчемся на месте.

Нельзя тем не менее считать, будто история с военным вторжением в Чечню, поскольку оно уже состоялось, вся в прошлом. Полагаю, у этой истории еще все в будущем.

Место окончательного разрешения чеченского кризиса расположено в центре Москвы — в тех кабинетах, где принимаются основные политические решения. Тут не только остро не хватает новых хозяев, но насущно необходима радикальная перепланировка. Если авторы безответственных решений действовали структурно, то избавляться необходимо и от этих лиц, и от этих структур одновременно.

РОССИЯ — ИСТОЧНИК БЕСПОКОЙСТВА

Европейцы пестуют великорусский милитаризм

Владимир БУКОВСКИЙ

Группа известных европейских деятелей культуры и правозащитников направила в крупнейшие газеты Европы обращение к мировой общественности, полный текст которого мы приводим ниже.

Поскольку этого нельзя увидеть, это не волнует. Поскольку журналистов и представителей организаций по оказанию помощи не допускают в зону кровопролития, попытаемся оценить ситуацию, прибегнув к элементарным подсчетам. Российские военные власти признают, что за год войны в Чечне было убито 50 тысяч человек. Примем эту официальную цифру, хотя, возможно, она и занижена. В пропорции к численности населения (боснийцев в три-четыре раза больше, чем чеченцев) и к длительности военных действий (в Боснии — четыре года) количество мирных жителей, погибших в результате конфликта, относительно больше на Кавказе, чем на Балканах. Кривая чудовишна, счет открыт, безразличие — полное.

Только редкие диссиденты былых времен — поклон Сергею Ковалеву — возмущаются. Сопротивление покинутого всеми народа, немногочисленного, но никогда не покорявшегося, вырождается в терроризм, беспредельный и самоубийственный.

Почему чеченская бойня оставляет равнодушными нравственные, политические и религиозные авторитеты? А что же общественное мнение и международные структуры? Нам говорят: речь идет о внутренних делах России. Может быть. Ну и что? Друзья Франции во имя этой дружбы попытались бы остановить ее, если бы она с помощью танков, вертолетов и "катюш" залила кровью Корсику. Какой крик негодования поднялся бы, если бы англичане применили в Белфасте методику Москвы в Грозном: пять недель — и город в развалинах! Смирились бы мы, если бы какая-либо другая европейская держава столь же безжалостно изничтожала одну из своих провинций? Раз Россия — наш друг, она заслуживает не

лицемерных компромиссов, а искренней критики.

Дух кровавых гонений на протестантов и альбигойцев, помноженный на несравненно более смертоносные средства современной военной техники, отсутствие угрызений совести, типичное для фашистско-милитаристских режимов — это опасная прелюдия к грядущему тысячелетию. Можно ли, не моргнув глазом, соглашаться с этими жестокостями? Можно ли официально признать подобный способ умиротворения гарантией европейской безопасности и возвести его в ранг принципа ОБСЕ?

Вообразим себе взятие заложников группой палестинцев; вообразим, что израильская армия последовала примеру российской армии в Первомайской и убивает вперемишку пленников и пленителей, сровняв с землей артиллерийским огнем населенный пункт... Справедливое и почти единодушное осуждение было бы немедленной реакцией.

Мирные жители Грозного, Гудермеса, Шали — разве они не такие же человеческие существа из плоти и крови? Разве есть на земле места, где все позволено? Почему столь плотно и непроницаемо всеобщее безразличие? Наше молчаливое, немое сообщество, наши преступления, заключающиеся в не оказании помощи народу, находящемуся в опасности, ни в коей мере не могут быть списаны на незнание или отсутствие воображения. Все это объясняется только нашим страхом.

Россия остается второй ядерной державой в мире. Она — источник беспокойства. Мы предпочитаем отвести взгляд, не всматриваться в гнусности, которые она творит сегодня на Кавказе. Мы не хотим задумываться над тем, что могут попытаться сделать завтра, в больших масштабах, московские вожди, став более решительными или более безумными, оставаясь столь же неконтролируемыми и становясь все менее доступными контролю.

Наше раболепное малодушие омерзительно. Когда европейская держава предпринимает в своих южных провинциях массовое убийство местных жителей, обрушивая на них шквал огня, а мы невозмутимо позволяем ей втягиваться в эту кровавую бойню, мы поступаем безумно.

Наша трусость — плохой советчик. Дав зеленый свет кремлевским генералам-карателям и воинственным настроениям

черного и красного цвета, гуляющим по России, которая и так уже находится в полном разброде, мы толкаем дело к фатальному исходу.

Европейцы самоустраиваются, оставляя в одиночестве российское общественное мнение, от 30 до 50% которого осуждает войну. Европейцы пестуют великорусский милитаризм и, преувеличивая его нынешнюю силу, готовят ему завтрашние триумфы, а нам всем — катастрофу. Уже год, как спецназовцы правят бал. Абсолютная пассивность демократических государств удручает. Равнодушие Европейского сообщества и его парламента уже не удивляет, а ужасает. Бесконечное молчание планеты приводит в смятение.

Владимир БУКОВСКИЙ, писатель, бывший российский диссидент; Андрэ ГЛЮКСМАНН, философ и писатель; Даниэль КОН-БЕНДИТ, депутат Европейского парламента (ФРГ, от Партии зеленых); Чеслав МИЛОШ, писатель; Петер ШНАЙДЕР, немецкий писатель; Сюзанна ЗОНТАГ, американская писательница и эссеистка; Ежи ТУРОВИЧ, польский журналист, главный редактор еженедельника "Тыгодник Повшехны".

ОШИБКИ В ЧЕЧНЕ ОСТАВЛЯЮТ БОЛЕЗНЕННЫЕ РУБЦЫ

Георгий ДЕРЛУГЯН

Каждый день приносит нам подтверждение верности ленинской мысли о том, что, не решив для себя вопросов фундаментально-теоретических, мы обречены спотыкаться о них в практической деятельности. В данном случае неясность двойная — не только не ясно, что такое Россия, но и что такое Чечня. Из чего проистекает политика методом тыка, когда правящие элиты должны совершить едва ли не все возможные ошибки, прежде чем будет нащупано оптимальное решение. Причем ошибки неизбежно сокращают пространство оптимизма и оставляют долго саднящие рубцы. Кавказ последних лет — наглядное и трагическое тому свидетельство.

Чечня, конечно же, не из самых передовых стран мира — хотя бы потому, что там еще случаются самые настоящие революции. Более того, вовсе не случайны у чеченцев и подлинно античные доблести местного патриотизма и вооруженной племенной демократии (сильно, однако, подпорченные за последние полвека, и особенно за три развращающие года вольницы при диком рынке вокруг).

Коль скоро мир мы уясняем себе преимущественно по аналогии с уже пройденным, поясню, что остающиеся для российского читателя экзотической загадкой чеченские кланы — тейпы и тухумы — более всего сравнимы с античной гражданской общиной — полисом. Чтобы как-то ориентироваться в лезгиночной круговерти чеченской политики, следовало бы вспомнить, что и древние греки делились на афинян, спартанцев, беотийцев и пр., которые во внутриполитическом быту отличались высокой склонностью, постоянным тиранством и тираноборчеством — однако превращались в героических эллинов, когда на Геллеспонте появлялся персидский царь.

Это внутренние этнографические особенности, кстати, роднящие чеченцев со столь неудобными для современной восточной политики народами, как пуштуны и курды. Живем же

мы пока в XX в. н. э., и потому ближайшие параллели чеченской революции обнаруживаются в антиколониальных восстаниях тридцатилетней давности

Эйфорический всплеск осени 1991 года как будто позади. Региональную "мировую революцию" горцев и казаков постигла участь всех интернациональных революций — пролетарских, латиноамериканских, исламских, арабских. На Северном Кавказе укрепились консервативно-умеренные режимы. Бездарно погиб Гамсахурдия, а бакинскую националистическую демократию поглотила азербайджанская глубинка.

Внутри чеченского революционного блока завершаются процессы постреволюционной борьбы фракций и героических личностей; наступает фаза "бонапартистской" диктатуры. Если Дудаев продержится еще немного, его, вполне вероятно, ожидает цепкое долгоправление Фиделя, Каддафи или иранских мулл. Дудаев ведь генерал в отличие от филологов-диссидентов Эльчибея и Звиада.

Существует три взаимодополняемых стратегий удержания власти в условиях спада революции: полицейская диктатура, тоталитарная идеология, патриотическая война.

Даже в прошлом веке исламской революции Шамиля не удалось вполне реализовать первые две — чеченцы поголовно вооружены, и за каждым стоит его клан. Оттого и ислам в Чечне отличается необычным индивидуалистическим плюрализмом — на всякий в Москве цитируемый муфтият найдется дюжина суфийских авторитетов. Добавьте к этому советский атеистический цинизм в стране, где более половины населения — молодежь, поклоняющаяся также и ведику.

Остается военно-патриотический подъем плюс старая антиимпериалистическая ловушка — либо метрополия применит силу и произведет героя-мученика (которому, по складывающейся в России традиции, ничуть не грозит окончить дни в Шлиссельбурге, как некогда шейху Мансуру при Екатерине II); либо Голиаф потопчется в нерешительности к вящему торжеству национального Давида.

Скорее же всего, случится непоправимое третье. Начнутся хаотические импровизации политиков и милитаристских клик, откроется устланный идиотскими ошибками и преступлениями путь, уже приведший к трагедиям Абхазии и Пригородного

района.

Аргумент экспертов Кремля о невозможности остановить войну в Чечне ("Известия" № 174, 10.09.94) более всего напоминает попытку группы чиновников усугубить ситуацию и замазать свою вину за разбазаривание средств и политические просчеты. Кровью замазать — не станем таить их греха.

Дело действительно зашло далеко, и положение может спасти только мощное явление политической воли. Необходимо, во-первых, не повторять ошибок интервентов всех времен и прекратить поддержку контрреволюционной эмиграции. Эти люди действительно ничего не забывают и ничему не научаются, Революция же тем и отличается от мятежа, что необратима.

Во-вторых, руководствоваться примером хладнокровия и расчета, которые явил Николай Николаич Миклухо-Маклай перед лицом папуасов, танцующих боевую пляску, — прилег под деревце вздремнуть, а затем предложил полюбовный торг.

На трезвую голову Чечня для России создает неприятности, но не угрозу. Лидер чеченской революции много забавного наговорил за три года, но никто ведь не доказал, что совершил.

Дудаев наверняка желает говорить исключительно о вещах эффектных и ни к чему его не обязывающих, вроде полного суверенитета. Задача России — навязать переговоры по техническим и гуманитарным вопросам, в том числе о судьбе неавтохтонного населения Чечни, которое тамошние хулиганствующие спартанцы грозят низвести до илотов.

Переговоры такого рода можно поручать только дипломатам, ибо есть надежда, что они знакомы (и даже на себе испытали) с выдающимся американским изобретением — доктриной сдерживания. А может быть, и с самим господином Джорджем Кеннаном, доказавшим, что даже самые выдающиеся постреволюционные диктатуры подвержены внутреннему перерождению.

Георгий ДЕРЛУГЬЯН, университет штата Нью-Йорк, Бингемтон

БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ НЕОБХОДИМО ПРЕДОТВРАТИТЬ

Чеченский народ в условиях войны

Ян ЧЕСНОВ

Среди моих этнологических тем, которыми я занят в Чечне, есть одна, хуже которой не придумаешь: жизнь этноса в условиях навязанной ему войны.

...Вместе с моим другом Магомедом Белиевым мы решили отправиться в его родное село Бачи-юрт, что в восточной Чечне по соседству с Дагестаном. О лучшем спутнике, чем Магомед, мне и не мечталось. Он и трое его братьев — потомки известного исламского вероучителя, Исака, погубленного во время сталинских репрессий. Магомед который год и пока безрезультатно ездит на Соловецкие острова, чтобы найти там могилу деда.

Если правда чеченской войны простая и ясная, то ее ложь многообразна и многолика. Во время моей поездки был объявлен мораторий на ведение военных действий в честь Дня Победы сроком до 12 мая. Но я постоянно слышал артиллерийскую канонаду, далекую или близкую. А в тот день, когда президент России объявил, что «мораторий в Чечне соблюдается», я находился в селе, которое методично обстреливалось с четырех российских вертолетов.

Среди встреченных мною чеченцев были люди, осознающие войну как грань уничтожения этноса. Да и трудно думать иначе, видя в Грозном километры улиц с сожженными домами, стоя перед разрушенным университетом, разбомбленным дотла музыкальным училищем, перед колоннами республиканской библиотеки, похожей на развалины античного храма. В руинах краеведческого музея рылся худющий археолог Джебраил Чахкиев, пытаясь найти среди обломков кирпича музейные экспонаты.

Среди чеченцев издавна были распространены эсхатологические представления о грядущем исчезновении

народа. Может быть, их породила Кавказская война прошлого века. Ясно, что и тринадцатилетняя ссылка в Среднюю Азию уже в веке нынешнем тоже способствовала таким взглядам. Старики, с которыми довелось недавно беседовать, вспомнили, что в молодости от своих стариков они слышали, будто автомобильная трасса Ростов—Баку — это лежащий на Чечне дракон, и что при его нападении надо уходить на юг в горы.

Но это язык мифа. Обратимся к религии. Ислам в Чечне находится на подъеме. Иначе и не могло быть после страшных лет: в 1920—30-е годы были расстреляны муллы и даже просто знающие арабский язык. А еще совсем недавно было запрещено хоронить по мусульманскому обряду с чтением Корана. В эту поездку я услышал такое определение чеченства: «Настоящий чеченец от Аллаха и при угрозе расстрела не откажется».

Одна яркая иллюстрация. Вилли Вайсерт, немец с Украины, оказался в Средней Азии до приезда чеченцев. Он, один из немногих выживших в округе, знает чеченцев с 14 лет. Они не сдавались, хранили человеческое достоинство: в собственной нужде делились куском хлеба, пойманную в реке рыбу отдавали голодавшим, даже иноплеменникам.

Вилли Вайсерт стал не только мусульманином, но и муллой. В Средней Азии он женился на чеченке. А когда чеченцам в 1957 году разрешили вернуться на родину, то присоединился к ним. Прекрасно говорит по-чеченски. Один из его сыновей учится в Исламском университете в Каире.

Чеченские старики придерживаются мнения, что в среднеазиатской ссылке спастись народу помогла религия. Она укрепляла нравственность. Сейчас на территории под контролем Дудаева официально введен шариат с его архаическими нормами (например, наказание битьем за мелкие преступления вроде пьянства, отсечение кисти за крупное воровство). Я думаю, что этот эксперимент вряд ли пройдет. Этнический менталитет чеченцев не допускает оскорбления даже ударами. Традиционно насилие применяется только по отношению к вооруженному врагу. В остальных случаях вступает в силу развитая культура примирения. 60-летний Абуезид Каратаев из села Бачи-юрт сказал, что отец ему оставил такое завешание: «Помни, человек ценен не силой, даже не мужеством, а добром. Если человек тебе сделал зло, ответь добром». Хочется процитировать из моего

дневника другие слова Абуезида: "Быть чеченцем — это значит различать добро и зло". И еще: "Мы спешим осудить человека. Надо его оправдать".

Рядом с Бачи-юртом проходит Качкалыковский хребет, где в середине прошлого века стоял полк, в котором служил молодой Лев Толстой. Прокладывание дороги по хребту было им описано в рассказе "Рубка леса". Где-то в этих местах Лев Толстой познакомился с членами некоторых суфийских орденов, основавших мюридское движение в Чечне, которые проповедовали ненасилие. Таков, например, был Кунта-хаджи Кишиев, выступивший своим учением ненасилия против самого Шамиля.

Здесь, в восточной Чечне, шла и идет интенсивная духовная жизнь. Очевидно, с этим надо связывать инициативу нескольких сел по установлению "зоны мира". Мне рассказали, что российский полковник перед тем, как покинуть мирное село Автуры, собрал старейшин и сказал на прощание: "Это святое село".

Философствующий о жизни Абуезид Каратаев выразился однажды так: "Время, как половодье, на народе отлагает наносы". Ушло прошлое с лихим чеченским конокрадством. Это было делом зеленых юнцов, готовящих себя к военным делам. Затем наступили советские и постсоветские времена, когда воровство для части людей стало самоцелью.

Одиноки ли чеченцы с этими своими наносами времени? И как вообще на жизни этого небольшого и древнего народа отразится нынешняя война? Абуезид считает, что если у дерева обрубить все ветви, то все равно пойдет свежий росток. Восстановление духовности всегда возможно. Необходимо только прекращение войны в Чечне и предоставление возможности народу, несмотря на обрубленные ветви, пустить новые ростки.

Происходящее в Чечне вызывает сочувствие к чеченцам со стороны народов Кавказа. Антивоенные акции всколыхнули и русский народ, хотя ему было предложено разыграть чеченскую карту — политические проблемы заменить этнической враждой. "Бог нас сососедил с русскими, а не с немцами", — дал свое объяснение Абуезид.

Вера в русских, в Россию в чеченцах неистребима. Ожидание

от России справедливости — надежда на этническое существование. Как сказал мне однажды известный актер Муса Дудаев (однофамилец политического лидера): "В ссылке мы тоску по родине выражали и чеченскими, и русскими песнями". Без русской и российской культурной среды невозможно представить культурный облик чеченской нации. Поэтому нам важно осознать, что в нынешней войне есть аспект, который лишает (надеюсь, временно) чеченский этнос его нормальной этнокультурной среды, когда дыханию не хватает живительного воздуха. И независимо от числа убитых чеченцев, эта война является этноцидом. Как-то мне было сказано: "Зачем России вместо друзей в лице чеченцев иметь врагов?" Я думаю, что отчетливая перспектива криминализации Чечни есть результат патогенных процессов в правящем режиме Москвы.

Из моих недавних бесед с чеченскими молодыми боевиками наиболее четко выявились три взаимосвязанных фактора. Первое: они воюют не за Дудаева, а за идеалы справедливости. Второе: они под давлением силы могли бы прекратить сопротивление при условии международных гарантий амнистии. В амнистию, объявленную Москвой, они не верят. Третье: они готовы сражаться до конца. Эти настроения вооруженной молодежи отражают мировосприятие чеченского народа. Это будущее, которое необходимо предотвратить.

Ян ЧЕШНОВ, Институт этнологии и антропологии РАН

РОССИЯ ДОЛЖНА ПРИЗНАТЬ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЧЕЧНИ

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

Борис ЛЬВИН

У России нет иного разумного выхода, кроме признания независимости Чеченской республики. Все возможные аргументы в пользу этого.

ИСТОРИЯ

1. Чечня никогда добровольно в состав России не входила. Ни один чеченский лидер не подписывал договора о добровольном вхождении в состав России. Чеченцы воевали за свою свободу при шейхе Мансуре в XVIII веке, во время почти полувековой Кавказской войны в XIX веке. Вся история чеченского народа в “российскую эпоху” — это череда антирусских восстаний: в 1877 г., в 1918—1920 годах, в 1920—1930-е годы, во время второй мировой войны, в 1991 году. Это бесконечный список карательных экспедиций, колониальных усмирений, экзекуций, депортаций и новых волн национально-освободительного движения.

2. Формально “замиренная” Чечня была в составе России 132 года — ровно столько же, сколько и Польша, также не смирившаяся с потерей независимости. Это гораздо меньше, чем тот срок, который были в российских объятиях многие другие государства на территории бывшего СССР, уже получившие международное признание своей независимости.

3. Нынешняя “зимняя война” на Кавказе до боли напоминает другую “зимнюю войну”. В декабре 1939 г. в сожженном советской артиллерией дотла Териоки один из руководителей ВКП(б) Куусинен, формировавший “рабоче-крестьянское правительство Финляндской Демократической Республики”, призывал Красную армию “для завершения очистки территорий Финляндии от белофинских банд”. Как и сейчас в Грозном, в 1939-м “сталинские соколы” бомбили жилые кварталы Хельсинки, охотясь за “боевиками” с детскими колясками. Как и сейчас, тогдашние генералы жаловались на “неправильные” способы сопротивления финской стороны. И если тогда за неприкрытый акт агрессии Советский Союз был исключен из

Лиги Наций (единственный случай за всю ее историю), то сегодня Россию не пускают в Совет Европы.

4. Ни один народ невозможно отучить от стремления быть независимым от агрессора или колонизатора: ни американцев и индийцев — от Великобритании, ни алжирцев и вьетнамцев — от Франции, ни ангольцев и мозамбикцев — от Португалии...

ЭКОНОМИКА

1. Наряду с Дагестаном, Чечня всегда была самой дотируемой республикой в пределах Российской Федерации. Запасы грозненского нефтяного месторождения практически уже исчерпаны. Даже с самой циничной точки зрения несколько чеченских хребтов не стоят ни усилий по их овладению, ни потерянных человеческих жизней.

2. Репарации за нанесенный Чечне ущерб придется выплачивать российскому народу. Продолжение войны лишь увеличивает эту цену. Лишь ее прекращение дает шанс на сокращение инфляции и теоретическую возможность на экономическое выздоровление России.

3. Даже будучи независимой деюре, Чечня своим географическим положением обречена на интенсивнейшие экономические контакты с Россией.

ГЕОГРАФИЯ

1. Чечня сама по себе никогда не была нужна России. В XIX веке ее стратегической целью были персидские владения. Россия шла на Кавказ, чтобы захватить персидское Закавказье — Грузию и ханства на территории нынешних Азербайджана и Армении: Бакинское, Шекинское, Тальшинское, Карабахское, Эриванское. Но пройти туда можно было либо через Сочи — для этого Россия почти поголовно уничтожила адыгейские народы Кавказа и депортировала более миллиона черкесов в Турцию и другие ближневосточные страны. Либо же надо было идти через Дербент — для этого завоевывали Дагестан. Поскольку Дагестан экономически зависел от Чечни, надо было давить Чечню. И давили.

Теперь всю эту “геополитику” можно выбросить на свалку. Стратегическое значение Чечни для России упало до нуля.

2. Аргументы о необходимости защиты российского транзита через Чечню с помощью военных действий имеют столько же

юридической силы, сколько и идея защиты российского транзита в Калининградскую область с помощью оккупации Литвы, а транзита в Германию — с помощью оккупации Польши. Точно такой же повод — защита германского транзита через “польский коридор” — был использован Гитлером для развязывания второй мировой войны.

3. Чечня имеет выход на внешнюю границу России. И ее независимость выглядит гораздо более жизнеспособной, чем независимость Татарстана или любой другой анклавной территории.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Численность чеченцев превышает 1 млн. чел., в том числе более 800 тысяч собственно в Чечне. Чеченцев в Чечне больше, чем эстонцев в Эстонии.

2. Население Чечни уже сейчас в высшей степени национально однородно. По переписи 1989 г. чеченцы составляли 69 проц. населения нынешней Чеченской республики, к 1994 г. их было уже более 76 проц., сегодня не менее 80 проц. В России больше нет национального меньшинства такой величины и такой компактности расселения.

Нынешняя война только усилит эту однородность. Но доля чеченцев в Чечне возрастала бы и без войны. В отличие от русских и большинства других народов темпы естественного прироста у чеченцев одни из самых высоких в пределах бывшего СССР.

3. Чеченцы энергично сопротивлялись русификации и сохранили высокую степень национальной идентичности. Чеченский язык своим родным считают более 98 проц. чеченцев. Наряду с русскими и тувинцами это самый высокий показатель в России.

ПРАВО

1. 27 октября 1991 г. в Чечне состоялись выборы национального парламента и президента. В выборах участвовали 458144 человека, или 72 процента от общего числа избирателей. За Джохара Дудаева проголосовал 412671 человек, или 90,1 процента от принявших участие в выборах, что составило 63,1 процента от общего числа избирателей. В парламент Чеченской республики было избрано 33 депутата из 41. Так что легитимность чеченских властей в любом случае не ниже легитимности властей российских. И хотя чеченский парламент Дудаевым был потом разогнан, этот факт, как известно, отнюдь не исключительный на территории бывшего СССР.

2. Своим первым указом Дудаев, опираясь на Закон о государственном суверенитете и волеизъявление граждан республики, провозгласил суверенитет Чеченской республики с 1 ноября 1991 г. С этого момента в течение более чем трех лет Чечня фактически существовала как независимое государство. Чечня ни разу не участвовала ни в одном российском голосовании — ни в выборах, ни в референдуме. Чечня не посылала своих представителей в российские органы власти.

Суверенитет Чечни был молчаливо признан Москвой. В течение трех с лишним лет российская администрация на территории Чечни не появлялась. Российская власть налогов с чеченских предприятий не взимала и чеченский бюджет не финансировала. Чечня стала первой территорией бывшего Советского Союза, откуда ушли российские войска. Лишь потом они ушли из Азербайджана, Литвы, Эстонии.

3. Отсутствие юридического признания Чечни со стороны других государств тоже не аргумент. Хотя аннексия Сталиным Прибалтики всегда осуждалась на Западе, формальное признание им независимости балтийских государств последовало лишь после соответствующего решения союзных властей в августе 1991 г. История долго не признаваемых, но фактически независимых государств весьма богата — от ГДР и Тайваня до Северной Кореи, Северного Кипра, Сербской Краины. Постсоветские проблемы с Карабахом, Абхазией, Приднестровьем, Чечней лишь небольшая часть этой истории.

4. В бывшем СССР границы между статусами “союзной” и “автономной” республикой никогда не были непроходимыми. Казахстан вначале был автономией в составе РСФСР, Молдавия — автономией в составе Украины. Карелия бывала и союзной республикой, а прибалтийские республики и Тува были независимыми государствами.

5. Официальные российские власти намеренно подменяют вопрос о независимости Чечни вопросом о ее государственном устройстве, о характере господствующего в ней режима и о его соответствии принципам демократии и права. Ни вьетконговский режим во Вьетнаме, ни режим Бенджедиды в Алжире в 50-х годах, ни большевистский режим в России не имели ничего общего с демократией. Однако совершавшиеся ими преступления не являлись основанием для отказа народам этих стран в праве на независимость.

ПРЕСТУПНОСТЬ

1. Чеченским властям регулярно приписываются преступления против населения, особенно русскоязычного. Однако до нынешней войны интенсивность эмиграции русскоязычного населения из Чечни была не выше, чем из Калмыкии, Тувы, Саха-Якутии. В самом же Грозном оставалось 200-тысячное русскоязычное население, не спешившее его покидать.

2. Участие чеченцев в криминальной деятельности на территории собственной России несомненно как, впрочем, участие и других народов нашей страны и ближнего зарубежья. Но главной причиной ее небывалого размаха стали действия как раз не чеченских, а российских властей, объявивших экономическую блокаду Чечни. В результате нее население республики было лишено легальных заработков и было вынуждено приступить к незаконным операциям. Несомненно однако, что махинации с нефтью, оружием, контрабандой, финансовыми документами в принципе не могли осуществляться без московских (ставропольских, краснодарских и т.д.) “партнеров”.

Чеченскую мафию породила российская экономическая блокада, точно так же как румынскую и болгарскую — ооновская блокада Югославии. Подавляющее большинство чеченцев имеет к чеченской мафии ровно такое же отношение, как и большинство итальянцев — к “Коза ностра”.

3. На фоне всех самых невероятных мнимых или реальных действий чеченцев совершенно несопоставимыми выглядят преступления, совершаемые федеральной властью в Чечне. Истребление тысяч совершенно невинных мирных граждан на территории Чечни характеризуется международным и национальным правом однозначно — это геноцид.

4. По поводу “бандитского” режима Дудаева следует упомянуть и весьма важный факт, почему-то полностью ускользнувший от общественного внимания. Именно правительство Дудаева признало самоопределение ингушского народа и согласилось с тем, чтобы Ингушская республика вышла из бывшей Чечено-Ингушской АССР и осталась в России. Такому поведению Дудаева, наверное, было немало политических причин. Но есть ли еще одно правительство на горизонте, добровольно отказавшееся от своего национального меньшинства? Разве что только правительство Гавела—Клауса в бывшей Чехословакии.

ЕДИНСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

1. Нынешняя грязная война в Чечне — детонатор государственного единства и национальной безопасности России. Тому, кто хочет поближе познакомиться с терроризмом, следует выступать за сохранение российской власти над страной, охваченной пожарами восстания.

Пока война продолжается, настоящего терроризма не будет. Терроризм — оружие отчаявшихся, последний аргумент побежденных на поле боя, но свое поражение не признающих. Россия, таким образом, получит свои собственные Ольстер и Боснию, Корсику и Страну Басков, Палестину и Кашмир, Эритрею и Биафру — и все это “в одном флаконе”.

Если Чечня останется в составе России, то зажженный от чеченской искры бикфордов шнур освободительного движения будет воспламенять и другие национальные районы еще не завершившей свой распад последней мировой империи. Павел Милюков сказал как-то, что в октябре 1917 года Россия погибла из-за лозунга “единой и неделимой”.

ПОЛИТИКА

1. Продолжение карательной экспедиции в Чечне обеспечивает наилучшую среду для подавления демократии в самой России, для усиления карательной функции государства, нацеленной, как это часто бывает, не против преступности, а против собственных граждан. Уже сегодня название фильтрационного лагеря в небольшом северо-кавказском городке Моздок может встать в один ряд с Майданеком, Освенцимом, Катынью, Карлагом.

2. Продолжение войны освобождает самые низменные пороки. Уже сегодня проводимые по всей стране облавы по национальному признаку почти не вызывают ни возмущения, ни протестов. Россия погружается в расизм и апартеид как раз тогда, когда Южная Африка выбирается из него.

МОРАЛЬ

1. Карательная экспедиция не может достичь “умиротворения”. Она способна вызвать только одну реакцию. Подобно тому как ответственность за нацистские преступления после второй мировой войны разделили все немцы, ответственность за чеченскую

карательную экспедицию неизбежно возлагается и распространяется на всю Россию, на весь российский народ.

2. Чеченская авантюра — позор России. Говорят, что, когда Верховный суд США принял решение по делу Дреда Скотта, обязывающее северные штаты возвращать рабов своим бывшим хозяевам, собрание жителей одного американского города приняло резолюцию: “Мы презираем это решение, мы ненавидим его, мы плюем на него и топчем его ногами”. Грязная война в Чечне, сопровождаемая чудовищной и подлой ложью, заслуживает только такого отношения.

Чего можно добиться военной победой и назначением оккупационно-марионеточного режима семеновых — хаджиевых — автурхановых? Покорности чеченцев? Нет. Лояльности? Нет. Конституционного порядка? Опять же нет. Безопасности в Чечне и на Северном Кавказе? Экономического возрождения? Отказа чеченцев от стремления к национальной независимости? Нет, нет и нет. Военная победа не дает ничего.

Что дает немедленное прекращение военных действий, вывод российских войск из Чечни, безусловное признание независимости Чеченской республики? Прежде всего, и это более чем достаточно, спасение тысяч и десятков тысяч жизней — сегодняшних и завтрашних российских и чеченских. Установление нормальных дипломатических и деловых отношений между Россией и Чечней. Сохранение огромных материальных ресурсов, шанс на успех российских экономических реформ. Колоссальную моральную победу с очень сильными козырями на всех переговорах с соседями по поводу национальных меньшинств. Сохранение основ демократии в России. Предотвращение распада России. Искупление национального позора. Спасение национальной чести.

Найдется ли в России свой Мендес-Франс, нашедший в себе мужество признать независимость Вьетнама? Найдется ли российский Де Голль, согласившийся после 8 лет кровавой войны и гибели более 1 млн. человек признать независимость Алжира? А может быть, найдется свой лорд Маунтбеттен, который так смог уйти из Британской Индии, что до сих пор считается благодетелем и Индии, и Пакистана?

СТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ ВЕКА

Действия России в Чечне являются ярким примером государственного терроризма

Владимир СТУПИШИН

Есть несколько видов терроризма, очень сильно различающихся по своим корням, целям и масштабам.

1. Терроризм уголовный — захват транспортных средств и заложников с корыстными целями. Корни его и в природе человека, и в социально-бытовых условиях, формирующих преступников-маргиналов с полным отсутствием моральных сдерживающих центров.

2. Не менее, а нередко и более опасны теракты шизоидов с геростратовыми наклонностями. В таких случаях полиции не обойтись без помощи врачей-психиатров.

3. Терроризм идеологический (революционный, религиозно-фанатический) в демократическом государстве подобен уголовному и психопатическому, хотя корни его не в стремлении к наживе или к дурной славе, а в несовершенствах политического и экономического устройства общества, в принципе устранимых цивилизованными средствами. Цель такого терроризма — насильственное изменение общественного порядка или, по меньшей мере, физическое устранение политических противников. Этот вид терроризма привел к немалым жертвам, но никогда и нигде своих конечных целей не добивался (в отличие от просто уголовников, которым иногда удается унести в клюве то, ради чего они предпринимают теракт). Все эти “красные бригады”, банда Майнхопф-Баадера, французская “Аксон директ” и им подобные организации идеофанатиков обречены на поражение, ибо не имели и не имеют никакой серьезной социальной базы, а перед широкой публикой выступают в своем истинном, уголовном облики. Их иногда объявляют “прокоммунистическими”, но это совершенно не соответствует действительности. Легальные компартии от них всегда открещивались, и непричастность этих партий к терактам

не подвергалась сомнению даже их политическими противниками.

К сожалению, у этого вида терроризма масштабы покрупче, чем у чисто уголовного. Но есть у него своя ахиллесова пята: он редко бывает уделом одиночек, за такими терактами обычно скрывается организация, а организацию легче выследить, чем одинокого киллера. Для противодействия этой разновидности терроризма достаточно ужесточения уголовных и процессуальных норм, более эффективного применения полицейских методов и средств, может быть, с акцентом на упреждение с помощью контрразведки и полицейского сыска.

4. Терроризм повстанческих организаций на территории стран с диктаторскими режимами (это имеет место преимущественно в Латинской Америке) можно рассматривать как вариант идеологического терроризма, только с более тяжелыми последствиями. Полицейскими мерами с ним справиться невозможно, ибо повстанцы опираются на поддержку какой-то части населения, втянутой в гражданскую войну, которую они по сути дела ведут. Идеальный выход из положения — в установлении демократических порядков на основе общественного договора, что, как известно, удается не всегда. Поэтому власть предрежащие предпочитают вести войну на истребление, получают отпор, и люди гибнут с обеих сторон.

5. На оккупированных территориях Советского Союза, Франции, Польши, Югославии, других европейских государств во время второй мировой войны имел место партизанский терроризм. О нем нынешние исследователи почему-то не любят вспоминать. Может быть, из-за ностальгической любви к подвигам партизан-антифашистов и подпольщиков. А может, еще и потому, что “адекватная реакция” нынешних демократических государств уж очень напоминает действия гитлеровских карателей. Хорошо известно, что сами немецкие оккупанты партизан, макизоров, подпольщиков иначе, как “бандитами” и “террористами” не называли. Теракты, к которым прибегали участники движений сопротивления против особо одиозных фигур оккупационных режимов, были не самоцелью, а дополнением к диверсиям и военным действиям. Карательные меры оккупантов при всей их жестокости и масштабности давали, как правило, лишь обратный эффект, а прекращение терактов

было лишь следствием изгнания оккупантов.

6. Сродни партизанскому движению — организованные действия национально-освободительного характера: и там, и там речь идет о сопротивлении иностранному господству. Поэтому и у терактов политическая окраска одна и та же, а сами они обычно являются ответом на карательные меры оккупанта-колонизатора (как бы он сам себя ни называл), который, как мы имеем несчастье наблюдать в Чечне, не останавливается ни перед какими зверствами во имя восстановления своей “конституционной законности”. Мы уже подзабыли, что творили колониальные войска европейских империй на заморских территориях, а неплохо бы вспомнить, чтобы не повторять их “подвиги” и их же плачевный конец. Опыт крушения колониальных империй убедительно показывает, что терроризм, связанный с национально-освободительным движением, не вытравить ни парашютными десантами, ни спецназами. На смену погибшим приходят новые исполнители терактов, не боясь никаких преследований.

Здесь решение только одно: отказ от попыток покорения народа, взявшегося за оружие в целях спасения своего национального лица и будущего, признание за ним свободы выбора форм политического самоопределения, строгое выполнение соответствующих международно-правовых норм, зафиксированных в Уставе ООН, пактах о правах человека, принципах европейской безопасности и сотрудничества. Попытки оболгать национально-освободительные движения в глазах общественности делались и раньше. Ничего из этого не вышло. И подавить их еще никому и нигде не удавалось. Бесперспективны и попытки подавления военно-полицейским путем ныне продолжающихся национально-освободительных движений, отождествление которых с обычным терроризмом говорит лишь об историческом беспамятстве, тупоумии и лицемерии современных государственных деятелей, пораженных имперскими амбициями.

7. Лидеры ведущих держав мира именно лицемерят, когда публично осуждают “любые акты террора”, ибо руководимые ими государства нередко сами прибегали в недавнем прошлом к таким актам и делают это сейчас. Государственный терроризм — самая опасная разновидность этого пагубного явления, ибо он в

наиболее крупных размерах попирает общечеловеческие ценности.

Государственный терроризм — вот главная болезнь века. Ее весьма трудно искоренить, ибо это определение применяют выборочно, не распространяя его по политическим соображениям на великих мира сего и их протее. Элементы государственного терроризма без труда можно обнаружить в действиях европейских демократий и США в совсем недалеком прошлом, когда они пытались сохранить свои имперские позиции в Азии, Африке, Латинской Америке путем уничтожения гражданского населения, взятия заложников, применения пыток, покушений на политических деятелей, нарушения экологического равновесия. Об этом сейчас предпочитают не вспоминать, а пресловутую операцию “Буря в пустыне”, во время которой от американских бомб и ракет погибли десятки тысяч мирных жителей Багдада, даже преподносят как образец “адекватного” ответа на нехорошие дела Саддама Хусейна. И снабжают оружием Турцию, помогая ей безнаказанно громить курдские селения. И столь же безнаказанно, благодаря покровительству западных демократий, Израиль бомбит населенные пункты соседнего Ливана, якобы “адекватно” реагируя на теракты непримиримых из палестинского сопротивления и тем самым порождая все новых и новых непримиримых.

Президент России Борис Ельцин уподобил палестинцам чеченцев, сам того не подозревая, что попал в точку. Его политика усмирения Чечни как раз и ведет к закреплению сопротивления людей, лишившихся крова, имущества, родной земли и вытесняемых в диаспору.

То, что творит нынешняя Россия в Чечне, — это самый, что ни на есть государственный террор под предлогом борьбы с “бандитами” и “террористами”. Доблестные вооруженные силы уничтожают целые деревни и держат заложников в фильтрационных лагерях и пыточных камерах, а за политическими деятелями ведут настоящую охоту. Ведется систематическое разрушение природных систем жизнеобеспечения чеченского народа и его исторических памятников, включая музейные ценности, архивы, могилы. А ведь это — откровенный, циничный геноцид, осуществляемый

методами государственного терроризма. У принимающих соответствующие решения и их исполнителей даже лексика все больше приближается к уголовной фене: “зачистки”, “разборки”, “сдать” (кого-то) и т.п. Западные партнеры взирают на все это с завидным пониманием. Почему бы это? Уж не потому ли, что их самих терзают проблемы такого же рода — как доставшиеся из прошлого, так и новые, созревающие, грозящие выйти наружу в обозримом будущем?

Для России чеченская бойня — это еще и тяжелый удар по ее собственной национальной безопасности. Война наносит колоссальный ущерб экономике и общественной нравственности, разлагает армию, усиливает криминогенность везде, куда возвращаются несчастные, пораженные чеченским синдромом, парализует все попытки создания демократического правового государства, подчиняющегося гражданскому обществу, вся жизнь которого непременно должна покоиться на принципах естественного права.

Владимир Петрович Ступишин — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке.

Лауреату Нобелевской премии, писателю Александру Исаевичу СОЛЖЕНИЦЫНУ

Уважаемый Александр Исаевич!

Сейчас, когда у меня возникла неодолимая потребность обратиться не к политикам, не к генералам, ни к властям, а к совести русской нации, я вспомнил о Вас. Очевидно, потому что принадлежу к тому поколению Ваших соотечественников, которое узнавало печатную правду о своей жизни из Ваших, тайно читаемых до дыр художественных произведений. Мы с надеждой ожидали того дня, когда Вы вместе со своей ПРАВДОЙ вернетесь на Родину.

Кто-то сказал: мы в ответе за тех, кого приручаем. Разве не знаете Вы, что заставив нас поверить в русское великодушие, честь, мужество, не имеете сегодня права молча со стороны наблюдать как из русского народа опять делают народа-палача, народа-народоубийцу? Вам нужны примеры? Я их сейчас приведу. Их очень много.

Не сомневайтесь в моих политических страстях: я не сторонник вооруженного обособления, ибо знаю, что оружие в Чечне было оставлено специально для дестабилизации здесь ситуации и своего они достигли.

Вы хорошо знаете, Александр Исаевич, что Чечня никогда добровольно в состав российской империи не входила и российскую конституцию в последний раз не принимала.

Понимая, что рано или поздно у Москвы проблема с Чечней возникнет, державный идеолог-коммунист Суслов в начале 80-х годов подключил особую плеяду ученых, чекистов и партаппаратчиков к сенсационному открытию — 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Что из этого произошло — расскажут историки нового поколения. Вся горская история последних двух столетий — это история антиимперских восстаний. Я не говорю, что это хорошо. Это плохо, ибо если бы мы оказались хитрее, скажем, как армяне, то наши чеченские Армавиры тянулись бы от Главного Кавказского хребта до Волго-Донского канала. Но нас Аллах вот

такими сотворил: открытыми, честными, мужественными. И поэтому нас убивают более хитрые, коварные, алчные.

Нас не только за нашу честность, наивность, человечность, свободолюбие убивали, депортировали, обзывали, нас откровенно и варварски грабили! Сто лет из недр чеченской земли день и ночь выкачивали нефть, наше богатство, данное нам Всевышним. Наша нефть, одна из самых высококачественных в мире, обернулась для нас бедой. Кремлевские варяги апаратыны получали звезды героев за опустошение наших национальных недр, а чеченцев не пускали даже простыми рабочими на заводы колониальных нефтепромышленных предприятий. Обзываемые презрительно “шабашниками”, лишенные возможностей вернуться к очагам своих предков в Чеберлойском, Итум-Калинском, Шаройском, Галанчожском, Галашкинском районах, мы блуждали по российским и казахстанским глубинкам, стремясь заработать на жизнь, убирая навоз, строя и ремонтируя кашары, сараи, уборные. Знаю это не по-наслышке, ибо семь сезонов каторжничал на этих проклятых “шабашках” по 18 часов в сутки. Это был этап попытки экономического геноцида чеченцев, но мы и на этот раз вышли достойно из испытания. Не осели на чужбине, не растворились среди инородцев. Каждый раз возвращались домой.

Сегодня такие державные мужи, как Говорухин, Невзоров, Жириновский, Шахрай любят говорить о преступности среди чеченцев, о насилии над русскими в Чечне. Не отрицаю, что мина безработицы, заложенная Кремлем под Чечню, взорвалась с такой силой в виде народного восстания, что пострадали все. Оказавшиеся после восстания в кольце экономической блокады некоторые чеченцы вели себя не совсем как джентльмены и мне искренне жаль тех русских рабочих, специалистов которых Чечня потеряла уже, наверное, навсегда. Это тяжелая потеря. Но согласись, что судьба уехавших из Грозного русских оказалась несравнимо счастливее чем судьба тех, кто навечно остался под развалинами города, где восстанавливали “конституционный порядок” Грачев, Колесников, Дайнекин и прочая отважная компания ретивых исполнителей.

Тяжело, трудно, слабо веря в свои возможности, но Чечня все же карабкалась по пути самостоятельности. Где-то в глубине души каждого теплилась надежда: а вдруг нас оставят в покое, раз в Чечню по-прежнему закачивают нефть, раз дают собственной авиакомпании “Стигл” совершать вылеты во все концы мира, раз

армию вывели, оружие оставили, какое-то военное соглашение подписали как с суверенным государством, президенту дают возможность летать куда угодно от Дамаска до Бурже... А вдруг все пойдет естественным, эволюционным путем и, пройдя через испытание обособлением, Чечня вновь найдет форму добрососедства и братства с великой Россией...

Как мы, оказывается, ошибались! Оказывается, мы все ближе подходили к тому капкану, подло и бесчеловечно поставленному теми, кто умышленно направлял Чечню по пути милитаризации, криминализации, дробления нации, попутно получая баснословные барыши за транспортировку через Чечню нефти, оружия, да мало ли чего!

Четыре года федералы в Чечне проводили эксперимент, какими путями безработные, вконец изголодавшиеся люди ведут борьбу за выживание. Устроили экономическую, финансовую блокаду. Воздушные и нефтяные коридоры открыли только перед всемогущей мафией. С бухгалтерской скрупулезностью, тихо, без суеты подсчитывали, сколько железнодорожных вагонов разграблено, сколько фальшивых авизовок запущено, сколько русских избито и изгнано с квартир, сколько... Словом, все брали на учет, как добросовестные бухгалтера, чтобы припомнить в час икс. Больше всех, очевидно, радовались те, кто подарил радикалам горы оружия! Вот они там, дикари, сцапаются друг с другом, поубивают всех дееспособных, а мы потом войдем в республику как миротворцы...

Что-то не получалось. Привыкшие к лишениям и страданиям чеченцы не хотели войны. Им было очень тяжело, но они ждали дня выборов, очевидно, чтобы отдать свои голоса за более прагматически мыслящих людей.

Не получилось гражданской войны даже тогда, когда в "купленные на зарплату" чеченской партноменклатуры танки посадили "оппозиционеров" из Таманской дивизии.

И вот тогда федералы предстали перед нами во всей своей подлинной сути!

Лик войны ужасен. Излишне, Александр Исаевич, описывать Вам картины этой дикой, изуверской бойни. Вы, наверное, смотрите хотя бы телевизор. Да и фронтовое прошлое Вам о многом, безусловно, напоминает. Я бы хотел обратить Ваше внимание на действия конкретных лиц, насколько эти действия

подлы, циничны, безобразны! Хотел бы обратить Ваше внимание на то, как отдельные авторы хотят унижить, ущемить, оскорбить дух всего чеченского народа, независимо от их политических убеждений и позиций.

Нельзя назвать людьми, иначе как чудовищами тех, кто отсиживаясь в теплых квартирах, наблюдая за чеченским погромом по телевизору на мягком диване раздувает пожар ненависти, с азартом спортивного болельщика требует чтобы еще, еще больше убивали; больше, больше чеченских городов и сел стирали с лица земли. Увы, есть сегодня на Руси такие писатели, политики, гуманисты, не говоря уже о генералах.

Этим деятелям мало развалин городов, пепелищ аулов. Мало обугленных и растерзанных, сваленных сотнями в ямы стариков, женщин, детей. Мало трупов солдат-мальчишек, обглоданных собаками. Мало "зачисток" и фильтропунктов. Мало применяемых над чеченскими базарами вакуумных игольчатых бомб, запрещенных к применению даже в войне с внешним врагом. Мало восьмидесяти тысяч убитых, сотни тысяч раненых и спасающихся бегством по всему миру. Мало награбленного, сожженного. Мало подорванной экономики. Мало того, что земля Чечни вся превращена в одно огромное минное поле, усеянное миллионами тонн взрывчатки, как умышленно подаренной Дудаеву, так и завезенной по всем "тайным" каналам.

Перед вторжением в Чечню зимой 1995 года танковых дивизий федералов министр обороны России Грачев говорил по телевидению о тысячах — полтора тысячах сторонников генерала Дудаева. Это было похоже на правду. Весной 1996 года министр внутренних дел России Куликов говорит с трибуны Государственной Думы о шестнадцати с половиной тысячах убитых ополченцев. Явный перебор даже в собственной статистике никого не смущает. Идет откровенный, циничный геноцид чеченского народа.

Великая русская литература пером Льва Толстого, Михаила Лермонтова, Анатолия Приставкина учила чеченцев чести, достоинству, любви к свободе. Нас так воспитали. Исламская мораль и философия, русская духовность и воля сделали из нас людей, остро реагирующих на добро и зло, на правду и ложь, на любовь и предательство. Мы такие. Им это не нравится.

Но кто это — они?

Они — это прогнивший шовинизм, измельчавший духом, испоганивший великое слово “русский писатель” — Андрей Нуйкин. Они — это ложно информирующий Государственную Думу России о количестве жертв в Самашках, а по сути дела потворствующий подобным преступлениям кинорежиссер Станислав Говорухин.

Они — это срамливающий народы, в прошлом дешевый стукач КГБ, телевизионный комментатор Александр Невзоров.

Они — одевшие камуфляж министры России по делам национальностей Николай Егоров, Александр Котенков, Ким Цаголов.

Они — это, безусловно, бездарные генералы, компенсирующие свою профессиональную неполноценность призывами уничтожать весь чеченский народ как таковой.

“Будь чеченский народ таким уж гордым и свободолюбивым..., ему в 1945 году полагалось бы погибнуть, но не ехать в телячьих вагонах покорно в Сибирь и Казахстан” — пишет Андрей Нуйкин в газете “Наш выбор” № 2. Это не о дудаевцах. Не о “сепаратистах”, Не о “незаконных вооруженных формированиях”. Это уже обо всем чеченском народе. Об исторической памяти, о чести и достоинстве ВСЕГО народа!

Нуйкин воюет не с дудаевцами, он откровенно и публично заявляет о том, что вступает в войну с духом чеченского народа! Вот кто сегодня в России приходит на смену Льву Толстому, Михаилу Лермонтову. Вот кто оттесняет в сторону Анатолия Приставкина и Вас, Александр Исаевич.

Нуйкин прекрасно понимает, что чеченских стариков, женщин, детей так легко затолкали в телячьи вагоны, потому что мужчины воевали на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза. Не может Нуйкин не знать и того, что всех больных и нетранспортабельных чеченцев офицеры НКВД просто расстреливали или сжигали, загоняя в конюшни, как это произошло в Хайбахе. Там в один день сожгли более семисот женщин, детей, стариков. Многих тяжело больных принесли сюда прямо с постелей. Но этого Нуйкину недостаточно. Ему нужно плюнуть в душу живым. Плюнуть в душу тех, чьи отцы и матери усеяли костями холодные степи Средней Азии. Нуйкину не только самому мало того, что сотворили с чеченским народом. Он учит ненависти своих читателей. Он формирует характер

нового поколения русских. Таковы они, “духовные пастыри” сегодняшней “возрождающейся” России.

Вопиющим цинизмом было откровенное признание военных, что проблема состоит не в устранении Дудаева и свержении его власти, а в чем-то другом, более масштабном. Одного такого анонимного генерала обнародовала газета “Аргументы и факты” (№ 51 за 1994 год) в публикации под названием “Что думают генералы”.

Автор откровенно заявляет:

“МЫ ПРОИГРЫВАЛИ несколько вариантов возможного развития событий в Чечне.

Вариант первый: силы оппозиции самостоятельно захватывают Грозный, смещают Дудаева, формируют новое правительство Чечни, курс которого вряд ли будет пророссийским. Россия так и останется “крайней”, причем все огрехи нового режима будут вешаться на нас.

Вариант второй: Войска Дудаева громят оппозицию, после чего Чечня становится окончательно бесконтрольной и неуправляемой. Всех собак опять-таки вешают на Россию.

Вариант третий: вместе с силами оппозиции Грозный штурмуют российские спецподразделения, которые изолируют Дудаева. Кстати, ровно пятнадцать лет назад в Кабуле замена Амина на Кармаля была осуществлена силами всего одного батальона спецназа. Но, тогда мы получим второй Афганистан со всеми вытекающими отсюда последствиями. И вновь мы оказываемся виноваты во всех чеченских бедах.

Вариант четвертый: используя политические методы решения конфликта, усилить их действенность вводом на территорию Чечни российских войск. При этом действовать так, чтобы поставить Дудаева в положение, при котором любой шаг вел бы к его дискредитации в глазах самих чеченцев”.

“В шахматах такое положение называется цугцванг” — спокойно объясняет штабной генерал.

Оказывается, Александр Исаевич, с чеченцами разыгрывают какую-то шахматную партию, и национал-радикалы в этой игре всего лишь шахматные пешки, которыми играют до тех пор, пока не уничтожат добрую половину всех дееспособных чеченцев, включая детей и подростков. Проблема Москвы в том, оказывается, что слишком много чеченцев родилось в Чечне. А им нужны не чеченцы, как сказал однажды генерал Агапов, а земля чеченцев. Не

президент Дудаев их беспокоил, он, напротив, был нужен как воздух для начала военных действий. Им нужно было истребить саму возможность заикаться чеченскому народу о суверенитете.

Честно писала “Красная звезда”, что дело не в генерале Дудаеве, ибо, даже устранив его, объявится какой-нибудь сержант Мудаев и тоже заговорит о свободе...

Цинизмом было признание генерала Анатолия Квашнина (газета “Сегодня” за 13 апреля 1995 года), где он говорит: “чеченцы могут вновь всерьез взяться за оружие не раньше чем через 20—30 лет, когда вырастет поколение, которое не видело своими глазами нынешнюю войну и разгром Грозного. Сейчас чеченцы зарывают в землю оружие для будущей войны. Это в их национальном характере...”

Оказывается, дело опять не в дудаевцах и в “незаконных бандформированиях!” Оказывается, дело в самих чеченцах, в их “национальном характере” и время от времени (раз в 20—30 лет) надо пускать им кровь.

Цинизмом было заявление начальника генерального штаба, генерала Михаила Колесникова в газете “Сегодня” 10 февраля 1995 года. Генерал заявил: “Чечня, как известно, не является официально признанной воюющей стороной, а продудаевские отряды — официально признанной армией”, поэтому “их нужно расстреливать на месте как бандитов”.

Когда в августе 1991 года Б.Н. Ельцину потребовалась поддержка и он обратился к россиянам поддержать его всеми имеющимися силами и чеченцы правдами и неправдами вооружались с целью защиты молодой российской демократии, люди с оружием в Чечено-Ингушетии не были бандитами. Таковыми они стали, видимо, после того как поверили словам президента “берите суверенитета столько, сколько угодно”. Поверили наивные чеченцы и превратились в “бандитов”. Да таких, что хуже врагов по Колесниковски. Таких, что на них не распространяются даже международные нормы отношения к военнопленным!

Крутые же у нас генералы!

Как они мужественны, когда укладывают тысячи молодых российских солдат, разыгрывая шахматную партию из роскошных штабных кабинетов! Они и в самом деле уверены, что эти юные души погибают в Чечне с улыбкой на устах, счастливые за свою участь пускать кровь маленькому, древнему

свободолюбивому народу, от самой возможности погибать за это!

Цинизмом было откровенно уничтожать экономическую, социальную базу республики, мотивируя это военной необходимостью.

Между тем, военные добросовестно делали свое дело. Они методично уничтожали завод за заводом, школу за школой...

Вот что писала газета “Сегодня” за 22 апреля 1995 года в статье: “Чечня: учебный процесс пошел”.

“Самое ужасное, что некоторые школьные здания уничтожаются уже находясь в тылу федеральных войск. Под час не имея возможности вывезти разминированные боеприпасы за пределы населенного пункта, саперы подрывают их в подвале того или иного дома, не задумываясь о его назначении. Только благодаря заступничеству учителей в Грозном уцелели школы № 14 и № 41 (вместо 41-й взорвали близлежащее кафе).

Цинизмом была попытка объяснить трагедию в Самашках как какой-то заурядный случай, происшедший случайно по чьей-то халатности. Вот как об этом писалось в Интерфаксе (Думское обозрение) в № 69 от 11 мая 1995 года:

“Из сообщения представителя ФСБ... следует, что участвующие в военных действиях в Чечне военнослужащие федеральных войск, служащие по контракту, “не проходят соответствующей кадровой проверки”, что “делает возможным появление в российской армии случайных лиц, нарушающих права мирных жителей”.

Вот такое объяснение.

Тысячи, десятки тысяч уничтожаемых мирных жителей (более сотни в одних только Самашках) — это недостатки кадровой работы, которые, вероятно, будут устранены объявлением выговора или лишением квартальной премии кого-то из чиновников вербующих военнослужащих по контракту...

Цинизмом (или провокацией?) было откровенное заявление депутата Государственной Думы Российской Федерации Марка Фейгина, где в разделе своей брошюры “Кавказ после Чеченской операции” однозначно, не скрывая истинных намерений империи, заявляет: “Представляется целесообразным начать замену советских паспортов на удостоверения личности российских граждан именно с Кавказа. При этом не может быть и речи о сохранении графы “национальность”, даже по желанию”.

Скрытые формы и методы ассимиляции народов, которые применялись в Советской России ныне приобретают совершенно открытые, воинствующие формы и методы в России “демократической”.

Цинизмом (или провокацией?) было откровенное признание того же депутата Марка Фейгина, что “советская власть не была заинтересована в экономическом развитии края (Чечено-Ингушетии. Авт.) — сыграла роль постоянная нестабильность, недоверие власти к горцам. Мощные промышленные комплексы создавались в России, на Украине и в Белоруссии, в то время как на Кавказе существовала лишь анклавная экономика...”

Разве это не однозначный намек на то, что после всего, что произошло в Чечне в 90-х годах, Россия тем более не будет заинтересована сделать из него экономически и культурно благоприятный край?

Подлостью было пытаться разжечь ненависть ко всем чеченцам только потому, что они чеченцы. Особенно усердствовала в этом “Российская газета”. В провокационной подборке “терпение иссякло” эта газета пером анонимного автора писала 22 декабря 1994 года в номере 248: “Цепкие щупальца “кавказской мафии”, штаб которой окопался в Грозном, протянулись уже до самых отдаленных городов и поселков России. Русских продавцов за прилавками на рынках скоро придется заносить в “красную книгу”: даже курской и воронежской картошкой торгуют чернявые молодцы, окруженные дюжими охранниками-земляками. Ночами же новоявленные “предприниматели”, промышляющие грабежом и разбоем, прожигают жизнь и несправедливые бешеные деньги в казино и ресторанах, посмеиваясь над теми же воронежцами, курянами, тулянами да и москвичами...”

“Российской газете” не было дела до того, что ни один чеченец никогда ни в России, ни у себя дома не торговал на рынках ни картошкой, ни бананами, ни цветами, что торговать на рынках для чеченца-мужчины — позор.

Пусть хоть они не путают нас ни с азербайджанцами, ни с армянами, ни с осетинами, ибо у каждого из нас свои недостатки и свои достоинства. Сохранились еще, не вымерли как динозавры люди, для которых слово “честь” превыше не только желудка, но и жизни. В этом, и только в этом наша национальная драма. Но погодите еще чуть-чуть. Мы обязательно теперь уже станем и

хитрее, и лицемернее, и коварнее, и подлее. Иначе не выживешь. К этому нас принуждает наша с Вами любимая “единая и неделимая”!

Подлостью была проводимая накануне и в ходе войны политика министерства по делам национальностей России. Его министры и генералы егоровы, цаголовы в военном камуфляже отдавали приказы из Моздока, как лучше расправляться с гражданами Чеченской Республики, а в стенах этого здания распространялись листовки следующего, в частности, содержания: “...у определенной части беженцев, испытавшей на себе все муки бесчеловечного режима (и их можно понять) появляется ненависть ко всему чеченскому народу. “Это нелюди, это волки, ведь не зря на их флаге изображен волк. Эта нация не подлежит грамоте, а подлежит уничтожению! Сталин за одну ночь их выселил и правильно сделал” — из письма беженки Л. Айткаевой”.

Чиновникам из миннаца следовало бы иметь элементарную совесть, а не разжигать национальные страсти хотя бы потому, что кровопускание — не метод в национальной политике. Разве сегодня, спустя год, добились московские чиновники хоть какого-то сдвига в решении чеченской проблемы? Напротив, усугубили проблему невероятно, заодно показали всему миру свою политическую, дипломатическую, нравственную и военную импотенцию.

Кошунством было утверждать, что юные чеченцы, бросающиеся под танки убийц их родителей, братьев и сестер — наркоманы. Вот как писала газета “Российские вести” 7 февраля 1995 года в заметке Александра Рябушева “Живые снаряды” — последний аргумент Дудаева. В этой заметке журналист берет интервью у прапорщика.

“Случилось это 31 января, — говорит прапорщик Эдуард Шахбазов. — Я сидел в засаде, когда увидел бегущего к нам низкорослого чеченца. Взвел курок автомата, прицелился. Но присмотревшись, увидел совсем мальчишку и невольно опустил автомат. До нашего БМП ему оставалось метров пятнадцать, когда раздался крик “Аллах акбар!” и щелкнул выстрел чеченского снайпера. Оказалось, что мальчик весь был обвешан пластитом, вязким взрывчатым веществом, по своей разрушительной силе во много раз мощнее тротила. От удара пули на спине парня сработал детонатор, и мальчишку разорвало на куски, ранив при этом троих моих солдат и подбив наш БМП. Взрывной волной меня свалило

Скрытые формы и методы ассимиляции народов, которые применялись в Советской России ныне приобретают совершенно открытые, воинствующие формы и методы в России “демократической”.

Цинизмом (или провокацией?) было откровенное признание того же депутата Марка Фейгина, что “советская власть не была заинтересована в экономическом развитии края (Чечено-Ингушетии. Авт.) — сыграла роль постоянная нестабильность, недоверие власти к горцам. Мощные промышленные комплексы создавались в России, на Украине и в Белоруссии, в то время как на Кавказе существовала лишь анклавная экономика...”

Разве это не однозначный намек на то, что после всего, что произошло в Чечне в 90-х годах, Россия тем более не будет заинтересована сделать из него экономически и культурно благоприятный край?

Подлостью было пытаться разжечь ненависть ко всем чеченцам только потому, что они чеченцы. Особенно усердствовала в этом “Российская газета”. В провокационной подборке “терпение иссякло” эта газета пером анонимного автора писала 22 декабря 1994 года в номере 248: “Цепкие щупальца “кавказской мафии”, штаб которой окопался в Грозном, протянулись уже до самых отдаленных городов и поселков России. Русских продавцов за прилавками на рынках скоро придется заносить в “красную книгу”: даже курской и воронежской картошкой торгуют чернявые молодцы, окруженные дюжими охранниками-земляками. Ночами же новоявленные “предприниматели”, промышленные грабежом и разбоем, прожигают жизнь и несправедливо бешеные деньги в казино и ресторанах, посмеиваясь над теми же воронежцами, курянами, тулянами да и москвичами...”

“Российской газете” не было дела до того, что ни один чеченец никогда ни в России, ни у себя дома не торговал на рынках ни картошкой, ни бананами, ни цветами, что торговать на рынках для чеченца-мужчины — позор.

Пусть хоть они не путают нас ни с азербайджанцами, ни с армянами, ни с осетинами, ибо у каждого из нас свои недостатки и свои достоинства. Сохранились еще, не вымерли как динозавры люди, для которых слово “честь” превыше не только желудка, но и жизни. В этом, и только в этом наша национальная драма. Но погодите еще чуть-чуть. Мы обязательно теперь уже станем и

хитрее, и лицемернее, и коварнее, и подлее. Иначе не выживешь. К этому нас принуждает наша с Вами любимая “единая и неделимая”!

Подлостью была проводимая накануне и в ходе войны политика министерства по делам национальностей России. Его министры и генералы егоровы, цаголовы в военном камуфляже отдавали приказы из Моздока, как лучше расправляться с гражданами Чеченской Республики, а в стенах этого здания распространялись листовки следующего, в частности, содержания: “...у определенной части беженцев, испытавшей на себе все муки бесчеловечного режима (и их можно понять) появляется ненависть ко всему чеченскому народу. “Это нелюди, это волки, ведь не зря на их флаге изображен волк. Эта нация не подлежит грамоте, а подлежит уничтожению! Сталин за одну ночь их выселил и правильно сделал” — из письма беженки Л. Айткаевой”.

Чиновникам из миннаца следовало бы иметь элементарную совесть, а не разжигать национальные страсти хотя бы потому, что кровопускание — не метод в национальной политике. Разве сегодня, спустя год, добились московские чиновники хоть какого-то сдвига в решении чеченской проблемы? Напротив, усугубили проблему невероятно, заодно показали всему миру свою политическую, дипломатическую, нравственную и военную импотенцию.

Кошунством было утверждать, что юные чеченцы, бросающиеся под танки убийц их родителей, братьев и сестер — наркоманы. Вот как писала газета “Российские вести” 7 февраля 1995 года в заметке Александра Рябушева “Живые снаряды” — последний аргумент Дудаева. В этой заметке журналист берет интервью у прапорщика.

“Случилось это 31 января, — говорит прапорщик Эдуард Шахбазов. — Я сидел в засаде, когда увидел бегущего к нам низкорослого чеченца. Взвел курок автомата, прицелился. Но присмотревшись, увидел совсем мальчишку и невольно опустил автомат. До нашего БМП ему оставалось метров пятнадцать, когда раздался крик “Аллах акбар!” и щелкнул выстрел чеченского снайпера. Оказалось, что мальчик весь был обвешан пластитом, вязким взрывчатым веществом, по своей разрушительной силе во много раз мощнее тротила. От удара пули на спине парня сработал детонатор, и мальчишку разорвало на куски, ранив при этом троих моих солдат и подбив наш БМП. Взрывной волной меня свалило

на землю. Вскочив, я увидел бегущих к нашим машинам еще около десятка подростков — живые снаряды...

Едва выглянув из темного подвала командного пункта 74-й мотострелковой бригады, вижу страшную картину. Не обращая внимания на предупредительный огонь, юный чеченец бежит к танку. Пулеметная очередь с нашей стороны прерывает этот галоп смерти. Когда перестрелка стихает, подхожу с разведчиками к труп. Совсем еще юный, на вид лет 14, чеченский паренек лежит убитый. Тело его обвешано со всех сторон не взорвавшимися гранатами.

Что же толкает этих детей на смерть или кто?

На этот вопрос Александр Рябушев отвечает: "Это были обкуренные наркотиками мальчишки в возрасте от 12 до 17 лет." У командира 74-й мотострелковой бригады полковника Николая Баталова другое мнение. Он уверен, что это — "религиозный фанатизм, который дудаевцы ловко используют, бросая эти живые снаряды против наших солдат. Детей, воспитанных по мусульманским законам, посылают недрогнувшей рукой для борьбы с неверными. Детям, гибнущим в месяц рамазан, фанатики обещают рай на том свете..."

Чеченцам, не могут простить даже героическую смерть.

Как бы назвали, интересно, господа военные, если бы их 12—17-летние дети бросались, обвязанные гранатами, под танки тех, кто разрывает в клочья, сжигает заживо их семьи, сокрушает все подряд с невиданной, невероятной жестокостью? Как бы поступали ваши дети и вы сами, окажись вы на месте чеченцев и кто-то другой, скажем китайцы, наводили бы у вас подобным образом свой "конституционный порядок"?

Впрочем, о чем говорить? Хватит погибать в собственной безнадежной наивности. Все все прекрасно понимают. Понимают и живут в этом ирреальном, постлогическом, постморальном, постнравственном, постбожественном мире, цепляясь за него своим скользким брюхом. Люди, живущие в этом постбожественном мире уже давно не люди. Поэтому они и мыслить не могут, что может толкать людей на смерть если не наркотики, не фанатизм, не обман?!!

Они понять не могут как эти "бандиты" хорошо обходятся с пленными, как могут не пытаться и не насиловать заложников, как могут не пить, не обкуриваться, не звереть? Как могут, не устраивать взрывы в метро, не пускать под откос поезда? Как

могут эти чечены не озлобляться на русских и на Россию? А почему русские не озлобляются на чеченцев? Почему даже жертвы Буденовской трагедии говорят о мужестве и достоинстве басаевцев? Для них это большая загадка, какой-то подвох...

И все же не они, мастера проливать кровь и разжигать ненависть, определяют судьбы народов. Голос правды и сострадания прорывается прежде всего у людей умудренных жизнью, знающих, что такое людское горе не по наслышке.

Вот что пишут ветераны Великой Отечественной войны В. Аникеев, Ю. Костина, Г. Бобков, Б. Лопухин из г. Орла. (Газета "Мысль" № 8 (77) 1995 г.).

"С народом Чечни в годы Великой Отечественной войны Сталин поступил жестоко и несправедливо, но даже он не пошел на уничтожение целого народа, как это делает сегодня "одной третью всенародно избранный"!

Россия! Слышишь ли ты стоны и боль своих сынов на Северном Кавказе? Что же ты молчишь, не защитишь их? Кто лишил тебя силы и голоса?

Проснись, сбрось оковы предательства и лжи, прерви этот страшный кровавый сон, встань за своих уничтожаемых сынов! Защити честь и достоинство державы! Иначе не будет тебе прощения за слезы детей, вдов и матерей, за несправедно пролитую кровь невинных!"

Как бы хотелось, уважаемый Александр Исаевич, чтобы под такими словами стояла и Ваша подпись!

Вы согласны, Александр Исаевич, с тем, что сейчас творят Ваши соотечественники в Чечне?

Ваше молчание — это знак Вашего согласия? Вам не страшно, что потомки будут вспоминать о том, что все это варварство происходило у Вас на глазах?!

Обнародованный Б. Н. Ельциным план мирного урегулирования конфликта в Чечне вселяет слабую надежду. Но где гарантия, что война в Чечне, вопреки заявлениям, не будет продолжена в еще более жестоких формах?

Тот капкан, в который попал чеченский народ, устанавливался под руководством московских аналитиков и специалистов. Чем же провинились вчерашние колхозные трактористы, скотники, доярки; сельские учителя, врачи, строители, семьи которых безжалостно уничтожает федеральная артиллерия и авиация? Вы

такую войну где-нибудь видели? Слышали о такой войне? Царская Россия за 100 лет войны сожгла всего несколько аулов, а армия “демократов” за полтора года уже уничтожила все города и десятки сел! Вы бы также молчали, если бы вот таким образом наводился “конституционный порядок” в Вашем родном Ставрополье или где-нибудь в Тамбовской области? Вы уверены, что подобная жестокость в интересах русского народа и Российского государства? Ведь народы России задумаются, среди кого и в каком государстве они живут. Всех будете держать в страхе? Почему Вы молчите? Я ведь обращаюсь к Вам потому, что не потерял надежду, что наконец-то заговорит совесть русского народа!

Политики и генералы считают, что они делают правильное дело, когда молчит церковь, молчат писатели и ученые. Вы, Александр Исаевич, самый яркий символ русской национальной интеллигенции. Скажите свое слово, остановите это безумие!

Нынешнее поколение чеченцев воспитано и на российской культуре. История нас, хотя и ссорила, но и роднила. В “Слове о полку Игореве” друзья советуют князю бежать в горы, к чеченцам, где он может получить приют и спокойствие. Рядом с Мининым и Пожарским в освобожденную Москву входил и князь Черкасский, кровью породнившийся с чеченами. С армией Наполеона сражался генерал Александр Чеченский. Чеченцы вместе с Суворовым переходили Альпы, целыми полками защищали Россию в русско-турецких войнах, а чеченский генерал Орцу Чермоев стал героем русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Чеченцы сражались на всех фронтах в первую мировую войну. Около трехсот чеченцев было среди легендарных защитников Брестской крепости. А полк полковника, героя Советского Союза чеченца Мовлади Висантова первым дошел до Эльбы во вторую мировую войну и первым встретился с американскими союзниками.

Символично даже то, что не Егоров и Кантария, а наш земляк Абдулхаким Исмаилов первым установил Знамя Победы над Рейхстагом! Лишь недавно он получил звание Героя России.

Так не лучше ли, Александр Исаевич, дружить с чеченцами, чем их убивать? Разве не лучше было дать нам в руки мастерки и лопаты, чем оставлять для самоубийства горы оружия? Разве есть еще нация, которая умеет так крепко дружить и не предавать своих друзей, как чеченцы, когда к ним относятся элементарно по-человечески?

Теперь попробуем, Александр Исаевич, коротко подытожить размышлениями о том, что произошло бы, если бы Чечню оставили в покое, без высокого покровительства и доброй заботы устроителей конституционного порядка.

У Москвы был уникальный шанс дать самим чеченцам возможность дозреть до понимания своих экономических и политических приоритетов и перспектив. Законы рынка и демократии (если бы такие на самом деле внедрялись Москвой на подвластном ему пространстве) рано или поздно все расставили бы по своим местам. Вынужденная научиться самостоятельно выживать экономика Чечни очень быстро нашла бы себе партнера в той же России и не стала бы ей обузой и нахлебником. Но в таком случае каждый рубль был бы на виду, у каждого рубля был бы свой хозяин и этот хозяин умел бы дорожить кровно заработанным. Жизнь бы заставила его вложить этот рубль туда, где он нужнее всего.

Но интересы чиновничьей номенклатуры, привыкшей жиреть на перераспределении по собственному усмотрению бюджетных денег (наших с вами налогов) оказались сильнее и превыше всего. Решили сперва разбомбить, уничтожить всю экономику Чечни, затем выделить “на восстановление” астрономические суммы и в нужные места поставить нужных людей. Вот и вся хитрость! На “восстановление”, естественно, уйдет едва ли третья часть этих денег, зато две трети денег легко потекут в карманы чиновников на различных уровнях.

Одна московско-грозненская мафия наживалась на транспортировке через Чечню нефти, оружия; следующая мафия будет наживаться за счет перекачиваемых якобы в Чечню огромных российских бюджетных средств. Я не исключаю, что как за первым так и за вторым видом операции стоят одни и те же маститые сценаристы. Уже побежали в Москву многочисленные просители денег на удобрения, на канализационные трубы, на балалайки, на бельевые прищепки, на все что угодно! И московские чиновники все это по-отечески заботливо будут отпускать то за литр коньяка, то за банку икры, то за кучу долларов. Ох, как любит, Александр Исаевич, державная столица плодить сосунов-вампилов!

А нам, также как и дагестанцам, кабардинцам, осетинам, ничего другого не остается, как тащить из России все, что подвернется! Мы научим своих поэтов и композиторов сочинять песни о том, как безмерно любим Россию, ее березы и просторы, будем выезжать с

концертами в Москву, дарить правителям лошадей, а между концертами налетать на российское добро, если что-то еще осталось не вывезенным в Европу, Израиль, Кабарду, Дагестан или Осетию. Ведь именно этого добивается российское державное начальство, не давая нам возможностей пройти испытание через экономическое обособление. А не испытав на своей шкуре, что такое обособление, мы вечно останемся капризным ребенком, которому всегда всего будет не хватать и никогда не сойдет с шеи родителей, никогда не научится самостоятельно ходить.

Самая большая ошибка России в том (если, конечно, это ошибка, а не диверсия против России), что чеченцам не дали спокойно самим переболеть своей болезнью. В том что заложили недобрый прецедент под всю будущую эпоху чеченско-российских взаимоотношений. В том, что народы России увидели в русских палачей и уже будут говорить о своих политических перспективах менее легкомысленно, более основательно. Чечня припомнится России как Советскому Союзу Прага, Хельсинки, Будапешт, Тбилиси, Баку, Вильнюс. Разве не хватит Вам, Александр Исаевич, позорных страниц в истории отечества?

Несмотря на происходящее, мы не озлобились друг на друга. Катастрофу можно и нужно остановить. Но не желают этого те, кто ночами бомбят села, подписавшие договор о мире и согласии. Не желают те, кто засылает в Чечню казачьи батальоны имени генерала Ермолова. Это уже даже не война с дудаевцами, а откровенное, циничное осквернение исторической памяти многих народов Северного Кавказа!

Ваше слово услышат, Александр Исаевич, к Вашему мнению прислушаются.

Пусть задумаются политики и генералы: России нужны напуганные, лживые и коварные рабы или свободные братские народы, уютно и достойно чувствующие себя под мирным небом содружества свободных государств?

*Сайд-Хамзат Нунуев,
бывший народный депутат ЧИАССР и РСФСР, бывший
председатель подкомитета Комитета по Международным делам
Верховного Совета СССР, член Союза Писателей СССР.*

17 мая 1996 года г. Москва